

АНДРЕ МОРУА

Фиалки
по средам

PREMIUM

Андре Моруа

Фиалки по средам. Новеллы

Серия «Азбука Premium»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48584736

Фиалки по средам: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб.; 2019

ISBN 978-5-389-17695-9

Аннотация

Андре Моруа, классик французской литературы XX века, автор знаменитых романизированных биографий Дюма, Бальзака, Виктора Гюго и др., считается подлинным мастером психологического романа. Однако именно новелла на протяжении всей жизни была его любимым жанром. В сборник «Фиалки по средам» вошли новеллы разных лет – истинные шедевры малой прозы, удивительные, окрашенные лиризмом, тонкой иронией, снабженные неожиданной развязкой.

К сожалению, российскому читателю «Фиалки по средам» уже более полувека достаются по большей части в сильно усеченном варианте (за исключением издания 2012 года, обычно печатали лишь треть оригинального состава). Тем приятнее представить полностью эту жемчужную нить новелл Моруа, достойно продолжившего блистательную традицию Бальзака, Стендаля, Мопассана.

Содержание

Ты – великая актриса	5
Добрый вечер, милочка...	23
Исчадие ада	40
Ариадна, сестра...[7]	67
I. Тереза – Жерому	67
II. Жером – Терезе	73
III. Надин – Терезе	79
IV. Тереза – Надин	86
V. Мадам Жером-Ванс – издательству «Лис»	89
VI. Тереза – Надин	90
VII. Надин – Терезе	93
VIII. Тереза – Надин	94
Пересадка	95
Миррина	117
Биография	132
Подруги	157
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Андре Моруа

Фиалки по средам

André Maurois

POUR PIANO SEUL

Copyright © 2006, The Estate of André Maurois,
Anne-Mary Charrier, Marseille, France

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency
and Associates

© Е. Д. Мурашкинцева, перевод, 2012

© К. А. Северова, перевод, 2012

© Ю. Я. Яхнина, перевод, 2012

© В. А. Мильчина, перевод, 2012

© Ю. М. Рац, перевод, 2012

© Е. Д. Богатыренко, перевод, 2012

© Б. С. Акимов, перевод, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

Ты – великая актриса

Робер Фабер всегда вызывал у меня сложные чувства. Мне не нравился его цинизм, я восхищался его темпераментом. Его пьесы меня раздражали – я признавал их драматургическую силу. Меня шокировал его эгоизм – я был растроган тем, что он сделал меня своим доверенным лицом. Я с трудом выносил его утренние, часто бесконечные телефонные разговоры. Если он не звонил мне три дня, я начинал скучать по нему.

Сегодня утром он был краток и неумолим:

– Дорогой мой, я буду вам очень признателен, если вы бросите то, что пишете в данную минуту, и подскочите сюда. Мне нужно вам рассказать нечто очень важное.

– Право же, Робер, вы злоупотребляете моей дружбой и терпением... Вы призываете меня к себе по три раза в неделю... как правило, по какому-нибудь пустяшному или незначительному поводу. Я только что взялся за статью. Оставьте мне право на личную жизнь!

Через пять минут спора я понял, что потрачу меньше времени, если поеду к нему: в случае отказа он продержал бы меня все утро на телефоне. В то время он жил довольно близко от меня. Через четверть часа я вошел в его кабинет. Он сразу заговорил самым сладким тоном. Я знал по долгому опыту, что комплименты в устах Фабера – это всегда вложе-

ние капитала. Каких же дивидендов он ожидал в этот раз?

– Дорогой мой, – сказал он, – я только что прочел вашу штучку о Менетрие. – Это шедевр тонкости, вкуса, стиля. Поистине вы *единственный* критик нашего времени...

– Спасибо. Что вам нужно от меня?

– Ну... я не знаю, знакомы ли вы с мадам Астье... мадам Адриан Астье?

– Вы же сами представили меня ей. Очень красивая женщина.

– Ведь правда же? Она из мелкобуржуазной семьи, но в ней есть блеск, свежесть и даже остроумие, дорогой мой... В общем, я от нее без ума.

– На два месяца или на две недели?

– В таком деле время не значит ничего... Единственное, в чем нельзя сомневаться: в данный момент в мире для меня существует только она... И как раз сейчас возникла уникальная возможность съездить вместе с ней в Испанию... Да... Ей хочется увидеть Андалусию, а муж, у которого дела на Дальнем Востоке, будет отсутствовать два месяца... Все могло бы устроиться самым лучшим для меня образом... Но остается Одетта... Бедная малышка Одетта, я дал ей торжественное обещание, что Пасху мы проведем в кругу семьи, в Боваллоне. Вот уже три года я не отдыхал вместе с ней и детьми... Она будет безутешна.

– Разумеется, но я не понимаю, почему вы обращаетесь ко мне...

– Почему? Да потому что только вы, дорогой мой, можете оказать мне услугу и уговорить ее... Я знаю, что Одетта полностью доверяет вам... Если вы объясните ей, что моя будущая пьеса, действие которой происходит в Испании...

– Вам необходимо, чтобы понять местный колорит, поехать туда вместе с француженкой? О нет, я не смогу это объяснить... Не забывайте, что Одетта для меня – такой же и даже больший друг, чем вы... Если она, как вы сами говорите и как мне хочется верить, питает ко мне полное доверие, то именно потому, что я всегда был честен с ней. А вы предлагаете мне совершить нечестный поступок.

– Нечестный поступок! Да нет же, дорогой мой... Напротив, я полагаю, что вы, именно как друг Одетты, окажете ей большую услугу... Подумайте сами... Предположим, она не согласится и сделает драму из этой пустяковой истории... Что произойдет? Это разрушит нашу семью... Бедная малышка Одетта, она этого не переживет... И кто же будет ее убийцей? Вы...

Этот знаток театра знал, как поставить сцену. Я понял, что в очередной раз мне придется ради собственного спокойствия уступить.

– Хорошо... Я поговорю с Одеттой, однако не обещаю, что буду защищать вашу позицию... Я ее просто изложу, не более того.

– Но вы не будете ее оспаривать? Я только этого и жду от вас... Сейчас я позвоню Одетте. Я оставлю вас одних, и вы

сможете спокойно поговорить.

Я попытался добиться отсрочки. Тщетно. Как и герои пьес Фабера, он был неудержим и деспотичен. Нажав на кнопку, он взял трубку и сказал секретарше:

– Попросите мадам Фабер немедленно приехать в мой офис, – после чего встал и вышел.

Через какое-то время вошла Одетта.

– Так вы здесь, Бертран! Какой приятный сюрприз! Что вы сделали с Робером? Он мне только что звонил.

– Да, дорогая Одетта. Он хотел, чтобы мы с вами поговорили.

– Поговорили? Как таинственно! Робер поручил вам что-то передать мне?

– Именно так.

И я попытался тактично подготовить ее к дурной новости. Я сказал, что Робер переутомился, что его здоровье меня тревожит, что пьеса у него не идет, что ему нужно провести несколько недель одному в той самой обстановке, которую он выбрал для своей драмы. Она слушала меня с улыбкой, а затем откровенно расхохоталась.

– Милый Бертран! – сказала она. – Сколько трудов, чтобы сообщить мне, не причинив боли моему несчастному сердцу, что Робер желает поехать в Испанию со своей новой пассией и оставить меня на целый месяц одну!

– Как? Вы знали об этом?

– Я не знала, я предполагала, и ваши шитые белыми нит-

ками доводы подтвердили мою догадку... К счастью! Представьте, Бертран, что мне тоже необходим месяц свободы...

– Вы хотите поехать в Боваллон с детьми?

– Вовсе нет... Я хочу посмотреть греческие острова с близким другом, который предложил мне совершить этот круиз... Я оставляю детей матушке и буду наслаждаться этими семейными каникулами... Почему у вас такой изумленный и удрученный вид, Бертран? Вы считаете, что меня нельзя полюбить?

– Да нет... Конечно... Но я считал, что вы храните верную и несчастную любовь к Роберу.

– Долгое время так оно и было, да и сейчас Робер мне очень дорог... Я восхищаюсь его гением, но не характером... Я терплю его капризы и полагаю, что имею право на компенсацию... А как думаете вы?

– Хм... Да, наверное... Кто же будет вашим счастливым спутником?

– Дорогой Бертран, я не так нескромна, как мой муж.

– Черт возьми, что же мне сказать ему?

– Нет ничего проще. Скажите, что сообщенная вами новость меня потрясла, что вы искусно меня утешили и посоветовали мне, чтобы не так горевать, совершить круиз по Средиземному морю, возможно, с подругой, и, наконец, что вы оставили меня в слезах и печали, но покорную судьбе.

– И вы думаете, он поверит?

– Робер с поразительной легкостью верит всему, что

льстит его самолюбию.

Она была права. Он не только добродушно воспринял ответ и план Одетты, но еще и с удовольствием разыграл передо мной прекрасную сцену нежности, трогательной героиней которой стала его жена.

– Бедная малышка Одетта! Она великолепна! Дорогой мой, я считаю, что в наше время уже не найти подобного примера супружеской самоотверженности. Подумайте сами, ведь она порой говорит: «Расскажи о женщине, которую ты любишь. Все, что касается тебя, мне очень дорого». Знаете, я вижу, словно наяву, как она в этом средиземноморском круизе идет к шезлонгу на нос корабля, чтобы в полном одиночестве полюбоваться звездами и представить себе мое счастье... Мое счастье с другой... Говорите что хотите, мой дорогой, но я верю, что гораздо лучше вызвать подобные чувства, чем пробудить страстную ревность.

– Но *вы-то сами* ревнивы, – сказал я.

– Жутко ревнив.

Он задумался, потом вернулся к прежней мысли:

– Это было бы прекрасным началом пьесы, а? Сцена между мной и вами... Сцена между Одеттой и вами... Это полное самоотречение, без всякой эмпазы... Естественно, ваш персонаж должен быть влюблен в Одетту... Он пытается воспользоваться ситуацией, но вынужден отступить перед чистотой этой необыкновенной женщины...

– Мне это даже в голову не приходило.

– Вполне понятно... Вы же знаете Одетту. Но в пьесе...

Он съездил в Андалусию, а Одетта – на греческие острова, откуда она вернулась загоревшая, пышущая здоровьем, светящаяся счастьем. Я увидел их обоих в июне. После обеда Фабер увлек меня в свой кабинет.

– Ну, я пишу эту пьесу, – сказал он. – Все уже решено.

– Какую пьесу?

– Какую пьесу! Да ту, которую мы с вами обсуждали, которая начинается сценой между мной и вами по поводу Одетты... Название будет «Жертва»... Первый акт уже написан, впрочем, сделать это было легко. Сама жизнь дала мне почти все.

– Сама жизнь? Это же опасно... Надеюсь, вы сделали необходимые перемены?

– Естественно... Я свое ремесло знаю... Перемена совершается инстинктивно... Героя, то есть себя, я превратил в художника донжуановского типа, а вас – в пьесе вы носите имя Бернар – в человека сентиментального...

– В чем же здесь перемена? Вы и есть донжуан, а я сентиментален...

– Да, но все материальные детали представлены совершенно иначе... Трудности начинаются со второго акта. Тут я не знаю, куда повернуть. Думаю, Бернар попытается использовать свой шанс, и ему почти повезет, потому что Жюльетта (Одетта из пьесы) жаждет реванша... Затем, в последний

момент, она опомнится, любовь победит.

– Любовь к вам?

– Разумеется... Остается третий акт. Тут все еще темно, но, видимо, надо будет ввести любовницу героя и ее мужа... Муж этот захочет отомстить, и Жюльетта, героически бросившись между ним и своей соперницей – или между мужем и героем, – спасет тому жизнь.

– Вам не кажется, что это слишком мелодраматично?

– Если рассказывать в трех словах, как я это сделал, да... Но все зависит от исполнения... У меня современные персонажи, которые говорят современным языком и действуют так, как поступили бы мы с вами... Капелька мелодрамы в сюжете меня устраивает... В этом суть театра... Диалоги спасут все, а в диалоге, откровенно говоря, мне нет равных!

Истинная правда, что в диалоге ему не было равных – я искренне это признавал. Но все же задал еще один вопрос:

– А мадам Астье?

– Какая еще мадам Астье?

– Та, что ездила с вами в Гранаду и стала первопричиной вашей пьесы.

– А, Пепита... Да, она получит это имя, поскольку мы оказались в Испании... Изумительная была женщина...

– Была? Что с ней случилось?

– Откуда мне знать? Для меня этот эпизод полностью завершен... Полагаю, она воссоединилась со своим Пепито... Но в «Жертве» она обретет новую жизнь... Слушайте, мне

бы надо увидаться с этой бедной Пепитой, чтобы уточнить пару деталей, необходимых для роли... Она так грациозно скидывала туфельку, перед тем как лечь в постель... Я попрошу, чтобы она показала это движение актрисе, которая будет исполнять ее роль.

Лето прошло. В октябре я узнал, что «Жертву» начинают репетировать. Жюльетту должна была играть Женни Сорбье (в то время молодая и знаменитая актриса). Фабер часто просил меня посещать репетиции своих пьес. Не то чтобы он признавал за мной какую-то особую компетентность, но ему казалось, что свежий взгляд легче обнаружит неправдоподобие некоторых эпизодов. Я приходил охотно, поскольку любил практическую театральную работу и привычную суету кулис. В тот день мне предстояло увидеть репетицию более любопытную и нервную, чем какая-либо из тех, что я посещал прежде. В большом пустом зале, почти лишенном света, Фабер усадил меня рядом с собой в одном из рядов партера. Он казался озабоченным.

– Не знаю, в чем дело, – сказал он, – что-то не ладится... Женни, которая обычно с полуслова понимает все, что я хочу сказать, сегодня упрямится... Порой у нее даже интонации неестественные, и это ей совершенно не свойственно... Я недоумеваю, дорогой мой... Впрочем, вы сами увидите.

На почти голой сцене появился актер и сел за письменный стол в стиле ампира. Он играл Фабера. Произошла короткая сцена с секретаршей, и та возвестила о появлении пер-

сонажа, изображавшего меня. Слушая его, я испытал очень странное чувство. Фабер использовал мои привычные словечки и характерные для меня жесты. Диалог показался мне естественным и живым. Затем на сцену вышла Женни. Я слушал с напряженным интересом: во-первых, потому что был одним из действующих лиц изначальной драмы, но главное, потому что гадал, как Фабер изобразит этот разговор. Я-то знал, как все обстояло на самом деле, а он полагал, что отчаявшаяся Одетта (вернее, Жюльетта) идет на болезненную жертву ради любви к мужу.

Именно эту сцену Женни и разыгрывала перед нами.

– Вы не можете понять, – говорила Жюльетта, – его счастье – это мое счастье. Его наслаждение – мое наслаждение...

Как и предупредил меня Фабер, Женни произносила эти фразы невыразительно. Пару раз он прерывал ее, требуя, чтобы она вкладывала в свои слова больше страсти. Она попыталась, однако ничего не смогла сделать, занервничала и при очередном замечании рассердилась. Выйдя на авансцену, она сдвинула абажур слепившей ее лампы и стала глазами искать в зале Фабера:

– Вы здесь, Робер? Да-да, я вас вижу... Кто это с вами?

– Бертран.

– Ну что ж, поднимайтесь сюда оба. Мне нужно с вами поговорить.

– После репетиции, – сказал Фабер. – Давайте продол-

жать.

– Нет, репетиции не будет! Нам с автором нужно прояснить один пункт, и я не стану играть, пока это не будет сделано.

– Она сошла с ума, – убежденно сказал мне Фабер.

– Почему сошла с ума? Женни – самая разумная и проницательная актриса в Париже. Конечно же, вы просто обязаны выслушать ее доводы.

– Что она может мне сказать? Она должна играть роль так, как написано... Вот и все. Я же не дебютант, чтобы просить совета у исполнителей.

Женни на сцене все больше приходила в нетерпение:

– Вы идете или нет? Ведь я...

Я взял инициативу на себя и ответил:

– Мы идем.

Я подтолкнул бурчащего и недовольного Фабера к маленькой временной лестнице, соединявшей зал и сцену во время репетиций. На авансцене, держа в руках листы с ролью, нас поджидала Женни.

– Что такое? – спросил Фабер. – Что на вас нашло?

– Нашло то, что я *не могу* произносить этот текст... Ваша добрая женушка совершенно неправдоподобна, по крайней мере для меня... Я ее не понимаю, не чувствую и не могу играть... Как? Перед нами женщина, которой сообщают, и при этом крайне неловко, что ее муж собирается в путешествие с другой, обожающей его, а у нее лишь один ответ: «Очень хо-

рошо... Лишь бы он был доволен, тогда и я буду довольна». Такого не может быть... Ну же, Робер, вы повидали бог знает сколько женщин, их было великое множество... Вы встречали хоть одну, которая, будь она действительно влюблена, стала бы блять нечто подобное, как глупая овца?

– Одну такую встречал, – гордо ответил он, – и именно ее я изобразил в «Жертве»... Фактически эта сцена, которую вы именуете неправдоподобной, произошла в жизни. На сей раз я ни на гран не отступил от реальности, и, к счастью, у меня есть вернейший свидетель: это присутствующий здесь Бертран. Он был участником реальной сцены разговора с женщиной, которую вы играете...

Женни повернулась ко мне:

– Значит, за все эти глупости отвечаете вы? Вы слышали подобные ответы? Это невозможно... Либо эта женщина идиотка (но тогда эта роль не для меня), либо она ломала комедию и демонстрировала величие души, чтобы со своей стороны насладиться внезапно обретенной свободой... В таком случае она вновь обретет человеческий облик, но это будет другая пьеса.

Я оказался в затруднительном положении. Женни была сто раз права: своей артистической интуицией она угадала поведение настоящей Жюльетты. Но я не мог ничего сказать, не предав одновременно и Робера, и Одетту, поэтому предпочел смолчать.

– Отвечайте же! – сказала Женни. – Вы знали эту Жю-

льетту, да или нет? И если знали, как вы ее объясните?

– Да, – решил поддержать меня Фабер, – рассказывайте, Бертран.

Не помню, что я тогда наговорил. Помню только начатые и оборванные фразы, свои тщетные усилия показать сложность персонажа, чтобы оправдать его в глазах Женни и не скомпрометировать в глазах Фабера. Видимо, я не слишком преуспел, потому что Женни с торжеством вскричала:

– Ну вот, видите! Бертран не больше меня верит в чистоту и покорность этой Жюльетты...

– Я ничего такого не сказал.

– Вы не посмели сказать, но ясно дали понять...

Фабер уже отошел от нас. Я посмотрел на него, и меня ужаснул его вид. Он расхаживал по сцене от одной кулисы к другой и яростно тряс головой, порой запуская руки в свою львиную гриву, порой начиная в бешенстве грызть ногти. Вдруг он двинулся на меня, протянув вперед руки и выставив обвиняюще указательный палец. В глазах его полыхала угроза.

– Я все понял! – сказал он. – Женни говорит правду. *Вы* солгали мне. Я вел себя как ребенок. Обратился к любовнику Одетты с просьбой, которую мог исполнить только друг. Ведь я считал вас другом...

Он разразился своим знаменитым смехом, походившим на ржание, подлинно театральным смехом, достойным Фредерика Леметра или Гаррика.

Я тоже разозлился:

– Я был вашим другом и сейчас ваш друг, но я еще и друг Одетты... Друг, а не любовник... И вы это прекрасно знаете... Разве я виноват, что вы поставили меня в крайне неловкое положение?

– Значит, вы признаетесь, что Одетта доверила вам то, что вы утаили от меня?

– Ни в чем я не признаюсь, я просто говорю, что очутился в трудном положении между вами обоими.

Но он меня уже не слушал. Прошел вглубь сцены, бормоча какие-то слова, которые я не разобрал, затем вернулся к Женни и ко мне. Лицо его прояснилось, он чуть ли не улыбался. Положив свои огромные руки на плечи Женни, он оглядел ее с нежным восторгом.

– Ты – великая актриса, – сказал он. – Величайшая... Ты поняла благодаря одному лишь сценическому инстинкту, что я заставляю тебя произносить фальшивый, неправдоподобный текст... А я, тоже великий актер, пошел по пути, который ты мне указала, пошел против своего чувства, против своей гордости... В блеске молнии я увидел истину... И я опишу ее. Это будет *великолепно*... Эту пьесу нужно переделать, и обещаю тебе, что ты получишь роль твоего масштаба, роль, которую ты полюбишь.

– Я в этом не сомневаюсь, – с видимым волнением ответила Женни.

– Что до вас, – сказал он мне, – что до вас... А вы мне

будете помогать.

В этот момент с робостью вошел консьерж театра и сказал Фаберу:

– Мадам прислала меня сказать, что она ждет внизу в машине...

Вновь раздался знаменитый смех:

– Мадам внизу? Попросите ее подняться сюда.

Через мгновение появилась сияющая Одетта.

– Вот как! – воскликнула она. – Меня сегодня допустили... И Бертрана тоже? Все идет хорошо? Привет, Женни.

Фабер смотрел на нее, качая головой.

– Ах ты, шлюшка, – сказал он, – но я все же очень тебя люблю... И ты меня очень любишь... Да, хочется тебе или нет, ты любишь только меня... Я собираюсь написать, моя маленькая Одетта, лучшую пьесу в моей жизни.

– Я не понимаю, – сказала она, – но верю тебе.

Фабер работал не часто: он писал по одной пьесе в год и тратил на нее от трех до четырех недель. Но работе он отдавался целиком. Сначала он рассказывал сюжет всем встречным и поперечным, чтобы оценить его выигрышные стороны. Излагал он очень хорошо, копируя голоса, подкрепляя мимикой сочные выражения и находя вдохновение по ходу повествования. Потом, поверив в собственный сценарий, он диктовал сцены секретарше, приучившейся ловить фразы на лету, пока он расхаживал по кабинету, исполняя поочеред-

но партии всех исполнителей. Наконец он перечитывал набросок и в этот момент часто призывал меня для консультаций. Новая версия «Жертвы» показалась мне превосходной. С поразительной смелостью он дошел до крайней точки в ситуации, тягостной для него самого. Из этого получилась сильная истинная драма с многочисленными комическими эпизодами и яростными сценами, создававшими счастливый контраст.

Я не был при том, как он читал пьесу Женни, но спустя несколько дней встретил ее.

– Вы знаете второй вариант «Жертвы»? – спросила она. – Это по-настоящему хорошо, правда? Последние два-три года сюжеты Фабера мне перестали нравиться... Его персонажи казались мне ходульными, но на сей раз снимаю шляпу! Это сама жизнь... лишь слегка стилизованная.

– Вы довольны ролью?

– Я в полном восторге... Легко произносить, легко прожить... Никаких проблем...

Репетиции шли как по маслу и в быстром темпе. Фабер иногда приглашал меня, и мне случалось встретить там Одетту. Я не видел ее с того момента, как муж открыл реальное положение вещей. Вместе, в театре или в свете, они держались совершенно естественно и ничем не показывали, что между ними произошла некая размолвка. Вскоре было объявлено о генеральной репетиции «Жертвы». Пьесу уже окутывала аура успеха. Об этом доверительно толковал весь

театральный люд: гримерши, машинисты сцены, электрики.

Представление оказалось триумфальным. Публика очень любила Женни, а взыскательные критики, часто упрекавшие Фабера в схематичности его героев, признали, что в «Жертве» он больше, чем где бы то ни было, преуспел в изображении человеческих страстей.

Когда занавес после двенадцати вызовов опустился наконец в последний раз, все друзья четы Фаберов устремились за кулисы. С трудом пробираясь вперед в переполненном коридоре, я слушал разговоры людей, толкавших меня со всех сторон. Многие сумели угадать прототипы:

– Удивительно! Женни заговорила совсем как Одетта Фабер.

– Да, и это тем более изумительно, что они вовсе не похожи друг на друга.

– А Бертран? Феноменально! Вплоть до его походки...

– Тише, старик, он у вас за спиной.

Когда нахлынувшая волна приподняла меня и бросила в гримерную Женни, где были и Робер с Одеттой, одна из приятельниц по глупости или по злобе сказала Одетте:

– Я вас узнала.

Одетта весело и искренно рассмеялась.

– Меня? – переспросила она. – Но я не играю никакой роли в этой истории.

– Как? А Жюльетта?

– Жюльетта похожа на меня не больше, чем вы на «Даму

с камелиями».

Потом она повернулась к Фаберу, который стоял рядом с ней, воодушевленный триумфом, и, с олимпийским спокойствием принимая комплименты, шепнула:

– Ты слышал эту дуру? Есть люди, которые совершенно не понимают, что такое произведение искусства.

– Милая Одетта! – ответил он и, склонившись к жене, нежно поцеловал ее.

Мадам Астье, отлучившаяся из Парижа, получила два кресла в ложе на балконе, но не почтила своим присутствием генеральную репетицию «Жертвы».

Добрый вечер, милочка...

– Ты куда, Антуан? – спросила мужа Франсуаза Кенэ.

– На почту. Хочу послать заказное письмо, а заодно вывести Маугли... Дождь перестал, небо над Ментоной уже очистилось – погода явно разгуливается.

– Постарайся не задерживаться. Я пригласила к обеду Сабину Ламбер-Леклерк с мужем... Ну да, я прочитала в «Эклерере», что они приехали в Ниццу на несколько дней... Вот я и написала Сабине...

– О, Франсуаза, зачем ты это сделала? Политика, которую проводит ее муж, вызывает одно отвращение, сама же Сабина...

– Не ворчи, Антуан... И не вздумай уверять, будто Сабина тебе противна!.. Когда мы с тобой познакомились, она слыла чуть ли не твоей невестой!

– В том-то и дело!.. Не думаю, чтобы она мне простила, что я женился на тебе... К тому же я не видел ее лет пятнадцать... Надо полагать, она превратилась в зрелую матрону...

– Никакая она не матрона, – сказала Франсуаза. – Она лишь на три года старше меня... И все равно спорить сейчас уже бесполезно... Сабина с мужем будут здесь в восемь часов вечера.

– Ты могла бы посоветоваться со мной... Ну зачем ты по-

звала их? Ведь ты знала, что я буду недоволен...

– Счастливой прогулки! – весело бросила Франсуаза и поспешно вышла из комнаты.

Антуан пожалел, что ссора не состоялась. Уж такова была обычная тактика его жены – она всегда уклонялась от споров. Шагая по аллеям Антибского мыса, между рядами нескладных кособоких сосен, он думал: «Франсуаза становится несносной. Она отлично знала, что я не хочу встретиться с этой четой... Именно поэтому она ничего не сказала мне о своих планах... Она все чаще ставит меня перед свершившимся фактом. Ну зачем она пригласила Сабину Ламбер-Леклерк?.. Только потому, что скучает, не видясь ни с кем, кроме меня и детей. Да, но кто захотел поселиться в этом краю? Кто уговорил меня покинуть Пон-де-л'Эр, бросить дела, родных и в расцвете сил уйти в отставку, к которой я совсем не стремился?»

Всякий раз, когда он начинал вспоминать свои обиды, список их оказывался довольно длинным. Антуан женился по страстной любви, его до сих пор влекло к жене и как мужчину, и, можно сказать, как художника. Он часами не отрываясь разглядывал ее изящный носик, светлые лукавые глаза, безупречные черты лица. Но до чего же иногда она раздражала его! В выборе мебели, платьев, цветов Франсуаза выказывала замечательный вкус. Но в отношениях с людьми ей не хватало такта. Антуан глубоко страдал, когда Франсуаза оскорбляла кого-нибудь из их друзей. Он чувствовал и

свою ответственность за нанесенную обиду, и свое бессилие. Вначале он осыпал ее упреками, которые она выслушивала с неудовольствием и на которые не обращала внимания, зная, что он простит ее ночью, когда в нем проснется желание. Потом он стал принимать ее такой, какой она была. После десяти лет совместной жизни он понял, что ее не переделаешь.

– Маугли, сюда!

Антуан зашел в почтовое отделение... На обратном пути он продолжал размышлять о Франсуазе и с каждой минутой все больше мрачнел. Была ли она по крайней мере ему верна? Он верил этому, хотя знал, что она часто ведет себя как отчаянная кокетка и порой даже забывает о благоразумии. Был бы он счастливее с Сабинной? Он вспомнил сад в Понде-л'Эр, где юношей встречался с ней. Весь город считал их помолвленными, да и сами они не сомневались, что рано или поздно поженятся, хотя никогда об этом не говорили.

«У нее был на редкость пылкий темперамент», – подумал он, вспомнив, как Сабина прижималась к нему во время танцев.

Она была первой девушкой, с которой он вел себя смело, чувствуя, что не встретит сопротивления. Он страстно желал ее близости. Затем появилась Франсуаза, и все женщины мира перестали для него существовать... Теперь он связан с Франсуазой навсегда. Позади десять лет совместной жизни. Трое детей. Партия сыграна.

Когда в гостиной он увидел жену, сиявшую свежестью, в

муслиновом платье с яркими цветами, его раздражение сразу прошло. Ведь и дом, где они живут, и сад, которым неизменно восхищались гости, – детища Франсуазы. Именно она убедила его покинуть Пон-де-л'Эр и завод за несколько лет до кризиса 1929 года. Если взвесить все по справедливости, она, пожалуй, принесла ему счастье.

– А разве Мишлина и Бако не будут обедать с нами? – осведомился он.

Он так надеялся на это, он предпочитал милую болтовню своих детей беседе с гостями.

– Нет, – ответила Франсуаза, – я решила, что нам будет уютнее вчетвером... Поправь галстук, Антуан.

«Уютно!» – опять одно из тех слов, которых он не выносил. «Нет, „уютно“ не будет, – подумал он, завязывая перед зеркалом галстук. – Сабина, наверное, начнет острить, а Франсуаза – кокетничать с Ламбер-Леклерком, этим чванливым твердолобым министром». Сам же Антуан будет хранить угрюмое молчание.

– Уютно!

Он услышал, как подъехал автомобиль и затормозил, колеса закричали по гравию. Супруги Кенэ приняли неприкрытые позы. Минуту спустя появились гости. У Сабины были черные волнистые волосы, полные плечи и красивые глаза. Ламбер-Леклерк сильно облысел – несколько жалких волосков лежали на голом черепе, точно барьеры на беговой дорожке. Он был, казалось, не в духе. Видно, и он тоже про-

тив воли приехал на этот обед.

– Добрый вечер, милочка! – воскликнула Франсуаза, целуя Сабину. – Добрый вечер, господин министр...

– О нет, милочка! – сказала Сабина. – Не вздумай только величать моего мужа министром... Ты же зовешь меня Сабинной, зови и его Альфредом... Добрый вечер, Антуан...

Вечер выдался на редкость теплый и ясный, и Франсуаза велела подать кофе на веранде. За столом разговор не клеился. Женщины скучали. Антуан из упрямства, злясь на себя, весьма неосмотрительно противоречил Ламбер-Леклерку, который, гораздо лучше информированный, чем его собеседник, легко побивал его в споре.

– Вы настроены оптимистически, потому что стоите у власти, – говорил Антуан. – На самом же деле положение Франции трагично...

– Да нет, дорогой мой, право же, нет: денежные затруднения никогда не бывают трагичны. Французский бюджет показывает дефицит вот уже шесть веков, и слава богу!.. Поверьте, просто необходимо время от времени разорять ранты... Иначе к чему бы мы пришли? Вообразите себе эти капиталы, помещенные в банк под большие проценты еще со времен Ришелье.

– Английский бюджет не знает дефицита, – буркнул Антуан. – Более того, доходы превышают в нем расходы. И англичане от этого не страдают, насколько мне известно.

– Дорогой друг, – отвечал Антуану Ламбер-Леклерк, – я

никогда не мог уразуметь, что за страсть у французов вечно сравнивать две страны с разной историей, разными нравами и разными потребностями... Если бы Франция действительно нуждалась в сбалансированном бюджете, мы тотчас бы все устроили. Да только Франция вовсе к этому не стремится, или, если хотите, Франция не так уж сильно в этом заинтересована, чтобы согласиться также на средства, необходимые для достижения подобной цели. Характер бюджета – не финансовый вопрос, а политический. Скажите мне, на какое большинство вы намерены опираться, правя страной, и я скажу вам, как будет выглядеть ваш бюджет. Министерство финансов может подготовить любой бюджет – социалистический или радикальный, а также реакционный... Достаточно сказать, чего вы хотите!.. Все это гораздо проще, чем воображают профаны.

– Так ли уж это просто? И посмеете ли вы высказать ваши соображения избирателям?

По каким-то малозаметным признакам, по тому, как внезапно ожесточился его взгляд, Франсуаза почувствовала, что ее мужа вот-вот охватит приступ ярости. Она решила вмешаться в разговор.

– Антуан, – сказала она, – ты бы прогулялся с Сабиной к монастырю, показал ей, какой вид открывается оттуда...

– Что ж, отправимся туда все вместе, – предложил Антуан.

– Нет-нет, – возразила Сабина, – Франсуаза права... Супругов надо разлучать... Так гораздо забавнее...

Она встала из-за стола. Антуану ничего другого не оставалось, как подняться и последовать за ней. Он успел бросить Франсуазе сердитый взгляд, который та не пожелала заметить.

«Мои опасения сбываются, – подумал он. – Теперь мне придется провести добрых полчаса наедине с Сабиной... Только бы ей не вздумалось потребовать от меня объяснения, которого она ждет вот уже десять лет! Неужели Франсуазе хочется, чтобы этот самодовольный министр ухаживал за ней?»

– Какой дивный запах! – произнесла Сабина Ламбер-Леклерк.

– Это апельсиновые деревья... Навес, под которым мы сидели, тоже сплетен из ветвей апельсиновых и лимонных деревьев, глициний и роз... Но наши розы почти совсем одичали... Надо бы сделать прививку... Сюда, Сабина... Свернем на эту дорожку и спустимся вниз...

– А сами вы, Антуан, не одичали в своем уединении?

– Я? Да я всегда был дикарем... Вы что-нибудь различаете в темноте? Взгляните, по обе стороны бассейна растут цинерарии... При планировке сада в основу был положен контраст между темными, фиолетовыми или синими цветами и ярко-желтыми. Во всяком случае, такова была идея Франсуазы. А на этом склоне она задумала создать буйные заросли дрока, мастикowego дерева, раkitника, царских кудрей.

– Я рада побыть с вами наедине, Антуан... Я очень люблю

вашу жену, но как-никак мы с вами были когда-то большими друзьями... до вашего знакомства с ней... Вы еще помните об этом?

Осторожности ради он замедлил шаг, чтобы не оказаться слишком близко к ней.

– Ну конечно же, Сабина, как я могу забыть?.. Нет, идите прямо вперед, сейчас будет мостик. Вот и монастырь. Что за цветы растут между плитами? Обыкновенные анютины глазки...

– Помните тот бал – мой первый бал? Вы отвезли меня домой на автомобиле вашего деда... Мои родители уже спали. Мы вошли в маленькую гостиную. Ни слова не говоря, вы привлекли меня к себе, и мы снова начали танцевать...

– Кажется, я даже поцеловал вас в тот вечер?

– Поцеловал!.. Мы целовались битый час!.. Это было чудесно... Вы стали героем моего романа...

– Наверно, я сильно разочаровал вас!

– Напротив, в начале войны вы совсем покорили меня своей доблестью. Вы держались великолепно... Я могла без запинки назвать все ваши награды. Я до сих пор помню их, могу перечислить хоть сейчас... Потом вы были ранены, а оправившись от ранения, обручились с Франсуазой Паскаль-Буше. Вот тогда, сказать по правде, я огорчилась... Да и как могло быть иначе?.. Ведь я так восхищалась вами... Услышав, что вы женились на девушке, которую я хорошо знала по лицею Сен-Жан – мы учились в одном классе, она была

очень мила, но глуповата, простите меня, Антуан, – я удивилась и огорчилась за вас... И не я одна, весь город...

– Но отчего? Мы с Франсуазой люди одного круга и вполне подходим друг другу... Взгляните сюда, Сабина: видите вот тот утес, весь в световых бликах? Это утес Монако... Не наклоняйтесь слишком низко – терраса висит над морем... Осторожно, Сабина!

Он невольно придержал ее за талию. Она молниеносно обернулась к нему и поцеловала прямо в губы.

– Будь что будет, Антуан! Уж очень мне этого хотелось! Трудно держаться на расстоянии от человека, который когда-то был тебе близок... Помните, как мы целовались на теннисном корте? О, я вижу, вы шокированы... Вы остались настоящим Кенэ... Не сомневаюсь, что вы всегда были верным мужем...

– На редкость верным... Беспорочным...

– Это на протяжении десяти-то лет? Бедный Антуан!.. И вы счастливы?

– Совершенно счастлив.

– Если так, все хорошо, милый Антуан. Вот только не пойму, отчего у вас такой несчастливый вид.

– С чего вы это взяли?

– Не знаю... Просто чувствую в вас какую-то неудовлетворенность, раздражение, какую-то неприкаянность... Что бы вы там ни говорили, Антуан, все же вы были настоящим Кенэ из Пон-де-л'Эр, то есть человеком деятельным, привык-

шим руководить людьми. А теперь вы живете здесь, оставив любимое дело и своих друзей... Я знаю: вы все принесли в жертву вкусам вашей жены... Но трудно себе представить, что вы никогда не жалеете об этом...

– Может быть, вначале я действительно немного тосковал... Но потом я нашел себе другое занятие. Всю жизнь я питал пристрастие к истории... Теперь я занялся этой наукой всерьез... Я даже написал несколько книг, которые имели некоторый успех.

– Некоторый, говорите вы? Ваши произведения имели огромный успех, Антуан, это замечательные работы... Особенно ваш труд о Людовике Одиннадцатом...

– Вы читали мои книги?

– Читала ли я их?! Да сотни раз! Во-первых, я тоже обожаю историю... А во-вторых, я искала в них вас, Антуан... Я по-прежнему интересуюсь всем, что имеет к вам отношение. И я считаю вас превосходным писателем... Нет, я нисколько не преувеличиваю... Признаться, меня даже удивило, что во время обеда Франсуаза ни единым словом не обмолвилась об этой стороне вашей жизни. Два-три раза мой муж пытался заговорить с вами о ваших книгах, но всякий раз Франсуаза прерывала его... Мне кажется, ей следовало бы гордиться вашим творчеством...

– О, да чем же тут гордиться?.. Но это верно, что Франсуаза не интересуется книгами такого рода... Она предпочитает романы... А главное, она и сама артистическая натура –

как искусно она выбирает свои наряды, какой чудесный сад она разбила! Она сама наметила место для каждого цветка. С тех пор как кризис захватил и Пон-де-л'Эр, наши доходы сократились. Теперь Франсуаза вынуждена делать все сама.

– Франсуаза делает все сама! У Франсуазы столько вкуса! Забавнее всего, что вы действительно в это верите! Слишком уж вы скромны, Антуан... Я знала Франсуазу девушкой, тогда у нее было несравненно меньше вкуса, чем сейчас. Во всяком случае, как и все семейство Паскаль-Буше, она питала неумеренное пристрастие к безделушкам и украшениям... Во всем этом была какая-то слащавая претенциозность... Это вы развили ее вкус, открыв ей красоту простых и строгих линий... А главное – вы дали ей средства, позволяющие вести эту жизнь. Ее сегодняшний наряд, безусловно, очарователен, но не забывайте, дорогой друг, что это платье от Скьяпарелли. Заказывая наряды у лучшего портного, не так уж трудно проявить вкус.

– Вы ошибаетесь, Сабина... Это платье Франсуаза сшила сама, ей помогала только служанка.

– Бросьте, Антуан, нас, женщин, не проведешь!.. Эти выточки, безупречное изящество складок... К тому же только у Скьяпарелли можно встретить подобный рисунок ткани, характерное смешение золотистых тонов с перванш... А впрочем, все это совсем не важно...

– Увы, это гораздо важнее, чем вы думаете, Сабина!.. Я ведь уже говорил вам, что мы сейчас крайне стеснены в сред-

ствах... Наши доходы не идут ни в какое сравнение с прежними... Пон-де-л'Эр больше ничего не дает, и Бернар пишет, что так может продолжаться несколько лет... Книги мои расходятся довольно хорошо. Иногда я пишу также статьи... И все же бедняжка Франсуаза не может позволить себе одеваться у первоклассных портных.

– Ну, если так, это просто чудо, милый Антуан! Невероятно, но чудесно!.. Мне остается лишь склониться перед Франсуазой... Впрочем, я всегда была расположена к ней... Никак в толк не возьму, отчего ее недолюбливают.

– Ее недолюбливают?

– Да ее просто ненавидят... Неужто вы не знаете?.. Меня поразило, что в Ницце ее осуждают точно так же, как в свое время в Пон-де-л'Эр...

– За что же ее осуждают?

– О, да за то же, что и прежде... За эгоизм, за кокетство с мужчинами и коварство с женщинами... За лицемерие... И конечно, за отсутствие такта... Помнится, я всегда защищала ее. Уже в те времена, когда мы вместе учились в лицее Сен-Жан, я говорила: «Франсуаза Паскаль-Буше гораздо лучше, чем она кажется... Видно, это ее наигранный тон и неприятный голос восстанавливают вас против нее...»

– Вы находите, что у нее неприятный голос?

– Ну знаете ли, Антуан!.. Хотя после десяти лет совместной жизни вы, очевидно, уже притерпелись... Впрочем, это не ее вина, и я ее не корю... Я другого не могу ей простить

– что она, будучи замужем за таким человеком, как вы, в то же время...

– В то же время... что вы хотите сказать?

– Да нет, ничего...

– Вы не имеете права, Сабина, начинать фразу, полную намеков, и внезапно обрывать ее... Может быть, те, кто сообщил вам все эти сведения, утверждают также, что у Франсуазы были любовники?

– Вы серьезно спрашиваете, Антуан?

– Как нельзя серьезнее, уверяю вас...

– Вы же знаете, дорогой, что точно так же судачат о всякой хорошенькой женщине... Кто знает... Порой случается и дым без огня... Франсуаза слишком неосторожна... Подумать только, ведь еще в Пон-де-л'Эр ее обвиняли в том, что она любовница вашего брата!

– Бернара!

– Ну конечно Бернара...

– Вот уж ерунда... Бернар – воплощенная честность.

– Поверьте, именно это я не переставая твердила всем...

Франсуаза даже не подозревает, с каким упорством я всегда защищала ее... А что это за серебристая полоска, сверкающая в свете луны?

– Это повилика.

– Прелестно! Она напоминает лилии Гефсиманских садов... Вы не находите?

– Нет, не нахожу... Не хотите ли вернуться?

– Уж очень вы торопитесь, Антуан... А я бы охотно осталась с вами в этом саду на всю ночь.

– Меня что-то знобит...

– Дайте мне вашу руку... Да она и в самом деле холодна как лед! Хотите, я укурю вас своей накидкой?.. А ведь мы бы могли так прожить всю жизнь, тесно прижавшись друг к другу... Вы никогда не жалели об этом, Антуан?

– Что мне ответить вам, Сабина? Ну а вы? Вы счастливы?

– Очень счастлива... Как и вы, мой бедный Антуан, силюсь подавить отчаяние... Подниматься надо по этой тропинке, да? С вами я могу быть откровенна... Долгое время я мечтала только о смерти... Теперь стало легче... Я смирилась с судьбой... Да и вы тоже...

– Как вы проницательны, Сабина...

– Не забывайте, что я когда-то любила вас, Антуан... Отсюда и моя проницательность... Дайте мне опереться на вашу руку... Очень уж крутая тропинка... Скажите мне, Антуан, когда вы наконец поняли, что за человек Франсуаза? Когда вы увидели ее в истинном свете?.. Ведь в момент женитьбы вы были просто без ума от нее...

– Боюсь, что мы с вами сейчас говорим на разных языках, Сабина... Я бы хотел, чтобы вы меня поняли... Я и сейчас чрезвычайно привязан к Франсуазе... Да что там «привязан», это смешное, жалкое слово. Просто я люблю Франсуазу... Но, как вы справедливо заметили, первые два года нашего союза были годами особенно полной и восторженной

любви, которую я имел все основания считать взаимной.

– Вот как?!

– Как мне понять вас? Нет, Сабина, вы заходите слишком далеко... Вам не удастся отнять у меня мои воспоминания... В те годы Франсуаза дала мне такие доказательства своей любви, что даже слепец не мог бы обмануться... Мы жили душа в душу... И были счастливы лишь в уединении... Не верите? Но в конце концов, Сабина, я-то знаю, что говорю: ведь именно я был с Франсуазой... А не вы.

– Но я знала ее раньше вас, мой бедный друг... Я видела вашу жену ребенком. Она и ее сестра Элен росли вместе со мной... Как сейчас вижу Франсуазу, стоящую во дворе лицом с ракеткой в руке, когда, обращаясь к нам с Элен, она объявила: «Я должна выйти замуж за старшего из сыновей Кенэ, и я непременно добьюсь этого».

– Не могло этого быть, Сабина! Семейство Паскаль-Буше издавна не ладило с моим, и Франсуаза не была даже знакома со мной... Мы встретились с ней совершенно случайно в тысяча девятьсот семнадцатом году, когда я выздоравливал после ранения...

– Случайно?.. Очевидно, вы и впрямь этому поверили... А у меня до сих пор звучит в ушах голос Элен, рассказывающей о положении своей семьи. Дело в том, что еще в самом начале войны господин Паскаль-Буше разорился вконец... Он был кутила и коллекционер, и то и другое – дорогостоящие прихоти... Дочери всегда называли его «наш султан»,

и он, безусловно, заслужил это прозвище... Реставрация семейного замка во Флерэ доконала его. «Послушайте, девочки, – сказал он Франсуазе и Элен, – в наших краях есть только два семейства, с которыми стоит породниться во имя нашего спасения: семейство Тианжей и Кенэ». Девочки ринулись в бой и одержали двойную победу.

– Кто рассказал вам эту историю?

– Я уже говорила: сами сестры Паскаль-Буше.

– И вы не предостерегли меня?

– Не могла же я выдать подругу... К тому же я не хотела лишать ее единственного шанса. Ведь никто ни в Лувье, ни в Пон-де-л'Эр, за исключением разве наивного донкихота вроде вас, не женился бы на ней... У нас в Нормандии не любят банкротов...

– Но господин Паскаль-Буше никогда не был банкротом...

– Верно, но как ему удалось этого избежать?.. Пока шла война, его поддерживало правительство, ведь другой его зять, Морис де Тианж, был в ту пору депутатом парламента... а после войны... Вы сами лучше моего знаете, что вашему деду в конце концов пришлось оказать ему помощь... Расчеты вашего тестя оправдались... Ах, опять этот божественный запах!.. Вероятно, мы приближаемся к веранде... Остановитесь на минутку, Антуан, я совсем задыхаюсь...

– Это оттого, что вы разговаривали, поднимаясь в гору.

– Положите руку мне на сердце, Антуан... Слышите, как

неистово оно бьется? Вот вам, возьмите мой платок, вытрите губы... Женщины – ужасные создания, они сразу же замечают малейший след губной помады... Ну что вы делаете, разве можно вытирать рот собственным платком? На нем же останутся следы... Не будь вы примерным супругом, вы бы уже давно знали это!.. Так... а теперь почистите свое левое плечо: что, если на нем остались следы пудры?.. Отлично... Теперь мы можем выйти на свет божий.

Спустя несколько минут гости уехали. Женщины нежно простились друг с другом.

Исчадие ада

Умной женщине, которая умеет заводить знатных друзей и находит удовольствие в приемах, очень удобно иметь также любящего роскошь мужа-банкира, который позволяет ей обустроить и поддерживать обширный дом в провинции. Таким домом для Денизы Хольман было прекрасное жилище в Нормандии, в Сент-Арну, с множеством комнат, затянутых мебельным ситцем, где летом она каждую неделю с субботы до понедельника собирала привычный круг друзей. Я встречал там Бертрана Шмита, Кристиана Менетрие с супругой, иногда романистку Жени, актера Леона Лорана (когда он не был занят в театре), политиков, к примеру Монте или Ламбер-Леклерка, и доктора Биа... К сонму «завсегдатаев» Дениза иногда добавляла менее близких людей: так, как-то в одну из суббот я увидел там Фабера, драматурга, «Карнавал» которого игрался уже два года, и еще супружескую пару менее известную, но которую я любил, – Антуана Кенэ с женой.

Фабера я знал очень хорошо. Мы были однокашниками по лицу Жансона. Его слава донжуана меня немного раздражала. Не потому, что он не заслужил ее, напротив, он обладал несколькими самыми привлекательными, самыми блистательными женщинами нашего времени, но я осуждал его за то, что он самодовольно рассказывал о них, называл их

имена, и это дурно пахло. Чем объяснялись его успехи? Он отнюдь не был красавцем, но широкие плечи, рост, жесткое выражение лица создавали впечатление силы, что, я думаю, поражало и завораживало женщин. Его слава театрального деятеля придавала ему цену в глазах актрис, а слава любовника актрис приносила другие победы. Остальное довершало его красноречие. Как драматург, Фабер умел создать эффект или «опустить занавес». Женщины с ним не скучали никогда, а это случается так редко. Главное, он уделял им много внимания. Обладая даром писать быстро, он мог посвящать им чуть ли не весь день. По-настоящему женщины принадлежат тем, кто их хочет, тем, кто их хочет больше всех. Кроме того, деньги многим из них не помешали бы, а Фабер был самым востребованным драматургом Парижа.

Его жена Одетта проводила этот уик-энд с ним в Сент-Арну. Их не часто видели вместе. Любовные авантюры занимали большую часть времени Фабера. Одетта поначалу страдала от этого. Она вышла замуж по любви и принесла своему мужу не такое уж малое по тем временам приданое, в чем он тогда нуждался. Постепенно она смирилась и, насколько мне известно, иногда тоже чувствовала себя свободной, но тут она поступала в той же степени тайно, в какой ее муж – открыто. Она сохраняла к Роберу Фаберу какое-то повергающее в трепет восхищение; она охотно пользовалась привилегиями жены известного автора; она со странным снисхождением созерцала быстро меняющуюся вереницу его любов-

ниц и продолжала жить. В этом состояла ее победа. Робер чаще всего жил в гарсоньерке¹ с какой-нибудь очередной фавориткой. Одетта оставалась в отличных апартаментах в Ла-Мюэт, и Фабер приезжал туда по торжественным случаям, чтобы восседать напротив нее за ужином. Серебряная посуда кочевала между гарсоньеркой и супружеским домом.

Фабер временами играл на бирже, где терял львиную долю авторских гонораров. «Роберу никогда не стоило бы ввязываться в биржевые спекуляции, – говорила мне Одетта со свойственным ей прозорливым спокойствием. – Он слишком импульсивен». В ту субботу, когда началась эта история, я прогуливался с ним перед ужином по аллеям Сент-Арну и он расхваливал мне добродетели и деловую хватку своей жены. «Ах, если бы я последовал советам Одетты и купил недвижимость под маленькие проценты, я бы спас свое состояние... Бедная малышка Одетта, наверно, я ее разорю. Но ее все это не волнует, она не держится за деньги; она удовлетворится и одной комнатой на седьмом этаже, лишь бы я время от времени приходил туда навестить ее... Она сохраняет большую квартиру в Ла-Мюэт только ради того, чтобы никто не мог сказать, будто, отдаляясь от нее, я попросил ее сократить расходы по дому... Право, она живет только для меня... Это все же трогательно!»

А на самом деле Одетта потратила значительные суммы на то, чтобы сломать в этих апартаментах стены и превра-

¹ Холостяцкая однокомнатная квартира (*фр.*).

тить бывший кабинет Робера в будуар и небольшую гостиную для себя. Но он, который дарил женщинам счастье, всегда с наслаждением говорил об их бескорыстии. Он хотел верить, что его любят ради него самого; ему удавалось убедить себя в этом, впрочем, отчасти это так и было. Но только отчасти. Когда он вложил миллион в дом моделей, владелицей которого была очень красивая женщина, то не преминул заявить: «Это вовсе не подарок, это вложение капитала». Одетта, практичная и простодушная, стала бесплатно одеваться у кутюрье. Единственное недовольство Фабера женой в столь неоднозначной ситуации состояло в ее чрезмерной безмятежности. В начале их совместной жизни, когда она без конца лила слезы, она вызывала у него больше гордости своим интересом к нему. Расхваливая ее теперь, он казался мне немного раздраженным ее привлекательностью.

– Но в конце концов, – говорил он, – не может быть Одетта по-настоящему несчастна потому лишь, что она полнеет... Что вы думаете об этом?

Я думал, что она и впрямь больше не несчастна, но удержался и не сказал ему этого. Впрочем, он уже был одержим другой идеей.

– Кто такие эти Кенэ? – спросил он меня. – Она очень мила, эта крошка.

– Франсуаза Кенэ не «крошка». Ей, должно быть, уже лет тридцать.

– Самый прекрасный возраст, – сказал он с вождели-

ем. – Тело еще молодое, а рассудок созрел... Возраст, когда разочарование открывает дорогу вольности... Что за человек ее *marito*²? Я попытался заговорить с ним во время чая... Молчун!.. Он хотя бы умен?

– Умен? Да, Антуан умен, но очень застенчив. Перед вами он, должно быть, не осмелился и слова вымолвить.

– Забавно, – мечтательно произнес Фабер, – что я до сих пор не познакомился с такой красивой женщиной.

– Они не всегда живут в Париже. Он был промышленник, его дело не очень далеко отсюда, в Пон-де-л’Эр. Они друзья детства нашей хозяйки. Антуан оставил свою фабрику после войны и начал писать. С тех пор они живут на юге.

– Как? Этот молчун пишет... Что он может написать?

– Книги по истории с упором на экономику, на социальные вопросы. И не так плохо пишет.

Фабер расхохотался своим довольно специфичным смехом, напоминающим торжествующее ржание.

– Молчун, робкий, историк... Она его будет обманывать.

Он любил, когда дело касалось пикантных ситуаций, делать прогнозы безапелляционным тоном великого прорицателя.

– Это невозможно, – сказал я ему. – Франсуаза рассказала мне, как они поженились. Это просто история Монтекки и Капулетти, и, следовательно, связь крепкая.

– Дело техники... Ладно! Вот кто скрасит мне уик-энд.

² Муж (*ит.*).

И тут же его живой ум перескочил к теме, совсем отличной от вышеупомянутой:

– У вас в Америке есть какой-нибудь знакомый, кому вы могли бы позвонить, чтобы узнать его мнение по поводу будущего урожая? Месяц назад я встретил в Нью-Йорке одного финансового гения, который убедил меня войти с ним в долю, уверив в твердом прогнозе на повышение, а зерно с тех пор не перестает падать в цене. Я теряю каждый раз по восемьсот долларов... Вы видите: американские фермеры не защищены... Какой позор!

Я признался, что почти не знаю маклеров, занимающихся зерном, и мы вернулись в Сент-Арну.

Вечера на террасе в Сент-Арну сочетали в себе очарование и величие. На переднем плане, слева, луг, усаженный яблонями, спускался в долину; справа – другой луг, без посадок, его симметричной дугой опоясывали пихты. Эти две красивые линии скрещивались почти у центра стола, и простота, ширина линий, глубокая тишина деревни придавали этому пейзажу особенно умиротворяющий вид. Воздух был насыщен ароматом жимолости и мяты. Звезды на небе располагали к метафизическим мечтаниям.

Фабер, крупное лицо которого освещал луч луны, рассказывал лестные для него любовные истории Денизе, Франсуазе Кенэ и Изабель Шмит, восхищенным или просто заинтересованным, судить не берусь. Одетта Фабер вполголоса бе-

седовала с Бертраном Шмитом. Мое кресло стояло немного в стороне, рядом с Антуаном Кенэ, которому вечерний су-прак, казалось, придавал смелости.

– Этот Фабер и его женщины... – сказал он мне. – Послушать его, то один только он... Но даже у меня, который так далек от всего этого, бывали иногда случаи, попытки... Как-то жена одного моего друга почти бросилась в мои объятия... Да, в такую же ночь, как эта, даже еще более красивую, потому что это было у нас, на юге... Я ее осторожно отстранил... Она рассердилась на меня. Я сказал ей: «Вы же подруга Франсуазы, есть понятие верности». Она ответила мне: «Вы не знаете жизни... Вы заставите женщин, и даже вашу жену, ненавидеть вас...» Может, она была права, в этом я остаюсь младенцем... Однако это настолько противоречит тому, что мне говорит Франсуаза... А если она тоже когда-нибудь?.. Я так плохо представляю себе всех этих мужчин и всех этих женщин, преследующих, предающих друг друга, соглашающихся на предательство!.. Я не могу быть счастлив таким образом... Мне нужна чистота души, удовлетворенность самим собой, искренность.

– Да, потому что вы божья тварь социальная... Но такое состояние душевного равновесия уже становится редким... Почти все божьи твари и мораль находятся в противоречии... и тогда возникают проблемы... Вот так-то... Вы не измените мужчин... и женщин.

– Женщин в особенности, – сказал он. – Они ужасные со-

здания.

Я посмотрел на его жену, склонившуюся к Фаберу. В темноте видны были три отблеска: блестели ее глаза, ее черное с белым колье, ее браслет. «Уже готова к жертвоприношению, – подумал я. – Зачарованная жертва...»

Фабер теперь вещал о смерти. Мы приблизились к его кружку.

– Вот я, – говорил Фабер, – если почувствую, что жизнь меня больше не радует, если меня будет преследовать фiasco или если я разорюсь, я покончу с собой. Единственное, в чем я еще не уверен, – это способ самоубийства. Я предпочел бы войти в море и идти вглубь, пока оно не поглотит меня... Это было бы эффектно, не правда ли?

– Но возможно, в какой-то момент вы бы остановились, – сказал доктор Биа. – Я вам подброшу иной способ, более практичный. Ложитесь на берегу моря в час прилива, примите хорошую дозу снотворного, и море вас накроет...

– Очень разумная мысль, – сказал я, – потому что это даже не будет самоубийством. Вас убьет океан.

– Мы не можем обмануть Бога, – с серьезным видом сказал Кристиан Менетрие.

Фабер рассмеялся своим сатанинским смехом.

– Вот такая идея мне нравится, – воскликнул он. – Спасибо, доктор! Но я принесу ковер. На мокром песке... нет! Подумав немного, он добавил:

– Хороший ковер... китайский или персидский. И приве-

ду с собой Одетту.

Одетта полушутя-полусерьезно ответила:

– Нет уж, спасибо... Прошу избавить меня от подобного... Робер так переменчив в своих решениях, что, заставив меня проглотить свое снотворное, он, возможно, надумает продолжать жить... Как я тогда буду выглядеть? И к тому же я верующая... Я боюсь кары...

После этого все наперебой принялись припоминать истории о смерти. Кристиан Менетрие рассказал об одном детском празднике. Там был фокусник, который после обычных трюков с картами и стаканчиками заявил, что сейчас он исчезнет сам. Он накинул на себя покрывало так, что оно полностью скрыло его, потом сказал: «Квик! Я исчезаю». Все увидели, как покрывало обмякло и опустилось и затем – мужчину на полу. Минуты две все в удивлении молчали. Потом хозяин дома сказал: «Мы вас видим, это совсем не смешно и не забавляет детей». Фокусник не шелохнулся. Он был мертв.

– Вот так фокус! – со смехом воскликнула Франсуаза.

Фабер очень не любил, когда другой мужчина привлекал внимание женщины, которая его заинтересовала. Стоило истории, рассказанной Кристианом, увлечь Франсуазу Кенэ, как он, задетый за живое, тут же начал новый рассказ:

– Одни мои друзья, супружеская пара, каждую неделю устраивали у себя дома музыкальные вечера. Муж играл на скрипке, жена на фортепиано, еще два профессиональных

музыканта – и получался квартет. Как-то виолончелист заболел и прислал вместо себя другого, а тот вдруг во время игры упал. Склонились к нему. А он уже не дышит. В ужасе мои друзья вызвали по телефону врача, тот пришел, констатировал смерть и посоветовал известить семью... Какую семью?.. Вряд ли они даже знали имя покойного... Они порылись в его карманах в поисках документов, адреса... Ничего... Обратились в комиссариат полиции, где дневальный сказал им, что уже слишком поздно и пусть они приходят завтра утром. Что делать? Они положили труп на диван, в знак уважения к покойному сыграли трио Бетховена... Около полуночи, когда альтист собрался уходить, хозяин дома обратился к нему: «Послушайте. При всем своем желании я не могу оставить труп здесь. Завтра сюда войдут дети, это будет для них страшный шок... Отвезите его в морг». Альтист поворчал, потом согласился. Двое мужчин вынесли тело и пошли за такси. Когда шофер увидел, что один из пассажиров мертв, он наотрез отказался взять его в машину. «Я не хочу историй», – сказал он. Они вернули покойника в дом и поставили его в углубление вроде ниши на лестнице, оставив консьержке записку на циновке у ее двери: «Будьте осторожны завтра утром, когда будете подметать, – за лестницей находится труп».

– Курьезно... – сказала Дениза. – А впрочем, что же здесь курьезного? Это скорее трагично...

– Смеются только над тем, чего страшатся, – сказал Бер-

тран. – Смерть комична потому, что люди ее боятся.

Фабер, желая во что бы то ни стало удержать внимание слушателей, быстро продолжил разговор о других внезапных и странных смертях.

– Согласитесь, – сказал он, – что воспитанному человеку не пристало умирать в чужом доме. Однако я знаю одного парня, необычайно вежливого, который невольно оказался виновным в такой оплошности. После обеда у Ротшильдов, когда подавали кофе, он поднес руку к сердцу, сказал: «Простите!» – и рухнул.

От похоронных историй Фабер со все возрастающим воодушевлением перешел к историям игорным, любовным. Около часу ночи Бернар, который не любил полуночничать, напомнил, что, пожалуй, пора отправляться ко сну. Фабер, которого приводило в ужас ночное одиночество, на мгновение встревожился и тут же предложил прочитать свою новую пьесу, а делал он это блестяще, изображая сцены, меняя голоса и смеясь над собственными выдумками. Таким образом ему удалось удержать нас до двух часов. Мужчины позевывали и, обмениваясь утомленными взглядами, в безнадежности качали головами; женщины слушали, завороженные и покорные.

На следующий день я узнал, что Антуан Кенэ вечером уезжает, потому что ему необходимо быть в Париже на ужине, и что супруги Шмит любезно согласились привезти туда

Франсуазу в понедельник утром.

Я отвел Денизу в сторонку:

– Откровенно говоря, Дениза, не нравится мне это... Вы же знаете Фабера. Он говорил мне о Франсуазе с таким лихорадочным воодушевлением, какое у него не предвещает ничего хорошего. Если оставить ее на ночь одну, он будет преследовать ее.

– Но мы же все будем здесь.

– Дениза, мы знаем по опыту о его хитростях! Он найдет десяток поводов затащить эту бедняжку в парк, под лунный свет...

– Но есть же Одетта.

– Вы не хуже меня знаете, что Одетта не вмешивается... Вы хотя бы представляете себе супругов Фабер в одной спальне?

– Нет, он этого не выносит... Она расположилась на террасе второго этажа, а он на первом, в голубой комнате.

– Так что же?

– Но, дорогой, что за важность для вас? Вы что, страж Франсуазы?

– В какой-то степени да... Я дружен с ее мужем, он очень славный человек... и даже больше...

– Немного занудлив, немного глуп...

– Я этого не нахожу, разве что вы назвали глупцом мужчину, который имеет слабость обожать свою жену... Странно слышать это от вас, которая любит «благородные души».

– Глупец, – сказала она, – в моем понимании содержит оттенок нежности... Серьезно, что вы хотите, чтобы я сделала? Ведь не я же посоветовала Антуану уехать, а предложить Франсуазе остаться было моим долгом гостеприимства.

– Вы могли предостеречь ее относительно Фабера, ведь она мало знает его... Вы и сейчас еще можете...

– Фабер такой же мой гость, как и вы. Я не вправе ни чернить его, ни как-то пакостить ему. Впрочем, он скорее даже мне симпатичен, несмотря на его недостатки, а может, именно благодаря им. В нем есть нечто чрезмерное, как в моральном смысле, так и в физическом. Он не такой, как все.

– Решительно все женщины, и даже самые умные, становятся жертвой этого самохвальства...

– Я процитирую вашего любимого автора, – сказала Дениза. – «Женщины не становятся бóльшими, чем они есть, жертвами комедий, которые перед ними разыгрывают мужчины».

– Не большими, но такими же... Ладно!.. Если вы не хотите или не можете предупредить Франсуазу, я возьму это на себя.

– Что ж, творите ваше благодеяние, дорогой... Это абсолютно ничего не изменит, но ваша совесть будет чиста... Тихо! Вот и муж!

Антуан Кенэ шел через лужайку к нам. Я внимательно посмотрел на него и подумал: «Да он во сто раз лучше Фабера!» Он снова извинился перед хозяйкой дома: «Ужин воен-

ных собратьев... Я еще три месяца назад дал согласие... Я не могу отказаться».

Дениза пошла сделать какие-то распоряжения, а я остался в кресле рядом с Антуаном. Он был расположен к доверительности и очень понравился мне. Я спросил, что заставило его оставить фабрику.

– Долгое время, – ответил он, – я думал, что активная деятельность будет для меня спасением, а потом перестал верить в то, что делал, и у меня опустились руки. Тогда я попытался попробовать себя в писательстве, но от этого я тоже часто устаю... По правде сказать, единственное чувство, которое спасает меня от самого себя, – это любовь... Она доставляет несколько восхитительных мгновений, коротких конечно, но их достаточно для того, чтобы понять цену жизни. Вот почему я выбрал затворническую жизнь с Франсуазой на юге. Кроме нее, мне ничего не надо. Вот только я частенько побаиваюсь, что это наскучит ей... Ах, трудная все-таки штука – жизнь!

– Вы недостаточно уверены в себе, – сказал я. – Другие, чтобы оценить нас, никогда не идут дальше нашей собственной оценки.

– Да, знаю... Но я почти не люблю себя... Это так... Или, скорее, мне, чтобы быть счастливым, нужно держаться за что-то, что намного выше меня... В молодости мне нравилась команда «смирно!»... Во время войны я не чувствовал себя униженным, когда у меня были командиры, которых я

уважал... Ни на фабрике в те времена, когда мой дед устанавливал там неоспоримую, непререкаемую власть... Большинство людей в душе испытывают потребность в ней... Духовые оркестры, хоры, игроки в футбол вынужденно объединяются вокруг общей цели... Я же думаю, что любовь женщины может сыграть такую роль... Теперь мне приходится спрашивать себя: может быть, есть только одна любовь – к Богу?.. К несчастью, у меня нет полной уверенности...

Он уехал после завтрака. Мы все проводили его до коляски, он запечатлел на губах Франсуазы долгий поцелуй. Я посмотрел на Фабера. Когда коляска отъехала, он рассмеялся своим торжествующим ржанием.

Я дал себе слово поговорить с Франсуазой. Случай, возможно не без ее помощи, мне благоприятствовал. В Сент-Арну был уголок, где я любил читать в тишине. Довольно удобная деревянная скамейка, выкрашенная, как полагается, зеленой краской, с прекрасным видом на склон, покрытый шильной травой, там любили сидеть гуляющие. Ее затеняли липы. В ветвях слышалось тихое жужжание пчел. Я принес томик Бальзака и перечитывал, в сотый раз наверное, *«Тайны княгини де Кадиньян»*, когда почувствовал, что ко мне кто-то приближается. Я поднял голову и увидел Франсуазу. Она была одна, бодрая и улыбающаяся.

– О! – воскликнула она. – Вы тоже нашли это убежище?

– Я его нашел гораздо раньше вас... Я приезжаю в Сент-Арну уже десять лет... А вы не отдыхаете после обеда, как

остальные?

– Нет, я чувствую себя бодрой, ублаженной и решила прогуляться... Я могу присесть рядом с вами? Краска скамейки не опасна для моего платья?

– Это было бы прискорбно. Оно так вам к лицу... Голубое шелковое платье в полоску, как у Марии-Антуанетты... В то время она была еще всего лишь женой парижского дофина... Не тревожьтесь. Эту скамейку не перекрашивали несколько лет.

– Да, верно... – сказала она, садясь. – Вы же всегда-тай этого дома... Я понимаю вас, здесь прекрасно... Я нахожу, что Дениза принимает с поразительным тактом... Если вы хотите побыть в одиночестве, она оставляет вас в покое... Если вам хочется поговорить, дом полон интересных людей... Какой забавный этот Фабер! Вчера вечером у меня было такое чувство, будто я слушаю одну из его пьес, сыгранную превосходными актерами...

Поодаль, в долине, медленно прозвонил колокол.

– Да, – сказал я, – Фабер умен и талантлив, но он человек очень опасный.

Она рассмеялась:

– Вы, мужчины, забавляете меня... С сегодняшнего утра вы третий, кто настраивает меня против Фабера.

– И кто же эти двое?

– Бертран и Кристиан, естественно.

– Но не ваш муж.

– Бедный Антуан! Нет, он умеет страдать молча.

– Вы знаете, что я очень расположен к вашему мужу? Сегодня утром я немного побеседовал с ним. У него доброе сердце, его глубина поражает.

– Я знаю, он очень милый.

– Он больше чем милый.

– И это я знаю... Но вы начали говорить со мной о Фабере... Почему вы находите его «опасным»?.. И для кого? Не для меня, я полагаю?

– И для вас, и для всех других женщин. Представьте себе, Франсуаза, мужчину, абсолютно бессовестного в любви... И я употребляю слово «любовь» лишь потому, что не нахожу более подходящего, ибо он вряд ли любит... Он охотится за женщинами, как другие охотятся на оленей... Удачная охота приносит ему радость, увеличивая счет побед... И конечно, мимолетное удовольствие... Но вот пьеса разыграна, вписана в его реестр, и она его больше не интересует. Он переходит к следующей... Я знаю его со времени нашей общей молодости, я даже затруднился бы сказать вам, сколько я видел несчастных женщин, вся жизнь которых была погублена им... Они потеряли мужа, детей, уважение к самим себе... Многие пытались покончить с собой. А он в это время пыжился от гордости.

– Очень романтично все, что вы рассказываете!.. В общем, Фабер – дьявол во плоти.

– Очень точно сказано... Да, он дьявол, который восстает

против воли Бога и получает наслаждение от зла.

– Но дьявол очень приятный...

– Дьявол – джентльмен, это все знают.

– Вы верите в дьявола?

– Верю, когда вижу его... Посмотрите в его глаза... Послушайте меня, Франсуаза. Вы не находите дьявольским мужчиною, который без намека на любовь принимается завоевывать добропорядочную женщину, у которого для этой маленькой войны есть некоторое число приемов или, если хотите, проверенных рецептов и который, чтобы победить, хладнокровно выбирает подходящее оружие?

– Откуда вы знаете, что он выбирает хладнокровно и без любви?

– Потому что он сам сказал мне об этом, потому что он этим похвастается... Ладно, вы хотите, чтобы я предсказал, что произойдет между вами?

Она со смехом взглянула на меня:

– Да *ничего* не произойдет!.. Почему вы решили, что я, жалкая провинциалка, интересую его, человека, окруженного женщинами более соблазнительными... более роскошными?

– Вы напрашиваетесь на комплименты? Вы интересуете его, *primo*³, потому, что вы красивы, «неоспоримо красивы», как говорит Кристиан... *secundo*⁴, именно потому, что про-

³ Во-первых (*um.*).

⁴ Во-вторых (*um.*).

винциалка... Он уже давно снял сливки в Париже, и там ему стало трудно обновлять свой гарем дебютантками, которые к тому же не всегда ему по зубам... Провинциалка нечто новое, неизученное. А если к тому же она порядочная женщина, то становится добычей наиболее желанной... Дьяволу нужны праведные души, он находит истинное наслаждение в том, чтобы искушать именно их.

Она наклонилась, сорвала травинку и согнала ею муравья, который уже дополз до ее юбки.

– Праведная душа, – сказала она. – У меня душа не праведная; я полна тревоги... сомнений... Мы, женщины, несчастные создания... Мы нуждаемся, чтобы рядом с нами был кто-то сильный, должны чувствовать опору... Вы восхваляли моего мужа, и вы правы: Антуан замечательный человек... Но опора? Вот этого нет!.. Это, конечно, вовсе не означает, что я не люблю его, но...

– Вот этого я и опасюсь... Вы женщина восприимчивая...

– Я этого не говорила.

– Вы сказали это помимо своей воли... Следовательно, вы входите в классификацию Фабера.

– Что вы называете классификацией Фабера?

– То, что он сам так называет... Своим друзьям-мужчинам он охотно объясняет, что в любовных играх, как и в игре в шахматы, имеется некоторое количество ходов для начала партии, классических, которые надо знать наизусть, и каж-

дый пригоден для определенного типа женщин. Я не помню точно его списка. Но он примерно таков. Женщины восприимчивые или, если вам угодно, доступные могут быть разделены на женщин сладострастных, женщин с материнским инстинктом и женщин интеллектуальных. И каждая из этих категорий должна подвергаться атаке по-разному...

– А какие женщины недоступны?

– Влюбленные, сильно привязанные к другому мужчине, и «наседки», которых ничто не интересует, кроме их детей... Но это уже другая история... Вернемся к женщинам чувствительным. Для каждого типа у Фабера есть свой подход к атаке, всегда одинаковый, и он действует безошибочно.

– Например?

– Я не знаю всего наизусть... Заботливым «мамашам» он жалуется, вопреки очевидности, что очень одинок, болен, несчастен и нуждается в утешении. Они не могут устоять перед своим призванием и бросаются спасать любого взрослого, который считает себя ребенком. Такой была Жорж Санд, она не могла не посочувствовать страждущему, кто бы он ни был... Чувственным Фабер говорит: «Вы не представляете себе, что такое наслаждение... Да, конечно, у вас есть муж, возлюбленный... И он хороший, я знаю его... Но я разговаривал с ним о любви... он же ничего не понимает в этом... Ах, пустяки!.. Настоящая любовь – это не инстинкт и даже не чувство, это искусство и умение... Вот я мог бы открыть вам такие ощущения и дать вам счастье, о котором вы даже

не помышляли...» Такова основная тема... Только он развивает ее намного лучше... намного подробнее... с намного большей страстью.

– Искусство? А почему бы и нет?.. К тому же у него такой опыт...

– Франсуаза! Вы попались на удочку? Уже?

– Напротив. Я вас поддразниваю... А что говорит он об умных женщинах?

– Сказать по правде, я уже забыл, но можно себе представить его аргументы: «Вы необычайно превосходите свое окружение; вас не ценят по достоинству; вам нужен мужчина, который бы не приглушал вашего призвания, а восхвалял бы его». После чего он предлагает себя... Добавьте во всех трех случаях еще признание, что никогда раньше он не испытывал ничего подобного... Ваши волосы, ваши глаза, ваш стан, ваша грация... А тут еще лунный свет, и – получайте в горячем виде... Вот рецепты Фабера.

– Не вижу в этом ничего ни особо нового, ни опасного, – проговорила она. – Все женщины слышали что-нибудь подобное.

– Возможно, но сказанное не с такой силой, не с таким театральным даром... У этого дьявола есть дар... Если я прошу вас усомниться в нем, то лишь потому, что знаю его штучки... Наверняка он уже сегодня предложит вам прогуляться в ночи. Надеюсь, вы откажетесь...

– А если бы я согласилась, – спросила она, – к какой ка-

тегории он причислил бы меня?

– Он не откровенничал со мной. Но он специалист, у него есть чутье, и он почти всегда определяет точно.

– А к какой категории причислили бы меня вы?

– Специалист всегда хранит свои секреты... Да вы сами прекрасно увидите, когда он сделает первые ходы, это будет его игра... Или, скорее, я надеюсь, что вы проявите мудрость и никогда не останетесь наедине с ним.

Она встала, спросила меня:

– Не хотите пройтись немного? Я в очень легком платье и не скажу, что мне так уж тепло.

Мы пошли по дороге в деревню, по извилистой дороге, обсаженной колючим кустарником. Я смотрел на Франсуазу, на ее светлые вьющиеся волосы, на нежную твердость ее профиля, ее красивый взгляд и думал: «Надо любым способом помешать этой сумасбродке погубить себя ради мужчины, который уже через полгода забудет о ней».

– Вы знаете, – спросил я, – историю Сильвии Нуартель?

– Нет... Не забывайте, я ведь провинциалка... Эта история связана с Фабером?

– Более чем просто связана. Это история, в которой Фабер главный герой... или, скорее, предатель... Сильвия была восхитительной, серьезной женщиной, она вышла замуж за Юбера Нуартеля, крупного инженера, проектировавшего мосты. Образцовая семейная пара. Двое детей. Муж довольно часто бывал в отъезде, потому что некоторые его

предприятия находились за границей. Но жена, рассудительная, мудрая, как француженки из романов Жироду⁵, занималась своими детишками, жила в окружении своей прелестной семьи. Короче – полная идиллия...

– До того дня, когда огромный злой волк...

– Вот именно... Так случилось, к несчастью, что Фабер встретил у своих друзей Сильвию. И тотчас же обрушил на них лавину вопросов, каким и я подвергся касаясь вас: «Кто она? Где ее муж? Как случилось, что я до сих пор не знал ее?»

– Он вам задал эти вопросы обо мне?

– А что вы думаете? Эти и еще много других... Но я вернусь к Сильвии. Фабер тут же пересел поближе к ней, отлично разыграл свою роль, и Сильвия была оболыщена. На следующий день началась осада. Звонки по телефону, цветы, лежа в театре... Инженер в то время находился в Турции. Сильвия, свободная, слишком свободная, после дней героического сопротивления безумию стала любовницей Фабера. Это было прискорбно, потому что он, как всегда, видел в ней красивую вещь, уже потускневшую, использованную. Тем не менее, будь это другой мужчина, все могло бы остаться в тайне. Но Фаберу доставляло еще большее удовольствие ослабить женщину, чем обладать ею. Когда Нуартель вернулся, весь Париж уже был наслышан и судачил об этом. Сама же Сильвия, умная Сильвия, вела себя самым неразумным об-

⁵ Жироду Жан (1882–1944) – французский писатель.

разом. Даже если бы муж не узнал правды, она, я думаю, сама бы выложила ее.

– Просто она была очень влюблена.

– В Лондоне должны были играть одну из пьес Фабера. Он предложил ей поехать туда с ним. Она приняла решение не сразу: понимала, что это будет разрывом с мужем, с семьей... Фабер с яростью настаивал, требовал от нее этого доказательства ее страсти, и она сдалась.

– И муж отверг ее?

– Нет. Ее муж, человек великодушный, хотел дать ей шанс вернуться ради детей и поначалу скрыл ее отсутствие. Но на них обрушилась целая вереница катастроф... Фабер приносит несчастья... Авария, в которую попал автомобиль, где она находилась с Фабером, – это уже скандал. После катастрофы ее лицо было обезображено... Возмущенная родня мужа требует развода... Менингит и смерть ее малыша Жака, в то время как она была в Лондоне. И развод, поскольку ситуация становилась невозможной и абсурдной... А Фабер вскоре навсегда бросил Сильвию, потому что нашел себе любовницу помоложе.

Франсуаза, перестав иронизировать, наклонилась и сорвала на склоне клевер с четырьмя листочками.

– Какая трагическая история! – сказала она. – И что же случилось с Сильвией?

– Одна из этих покинутых горестных женщин, которых так много в Париже... Последний штрих ужасен... Как-то,

будучи в «Комеди Франсез», когда я в антракте в фойе разговаривал с Фабером, она прошла мимо нас, опустошенная, с изуродованным глубокими шрамами лицом. Он увидел ее, рассмеялся своим дьявольским смехом и сказал мне: «Иезавель... Я называю ее Иезавель, потому что она всегда помпезно разукрашена, „как в день своей смерти“⁶... Она меня ненавидит... Она просто потаскуха». Вот так этот донжуан предает своих женщин.

Франсуаза долго молчала. Нас обогнала машина, оставив после себя клубы пыли и запах бензина.

– Вернемся... – сказала Франсуаза. – Я устала...

Вечерние посиделки на террасе были, как никогда, хороши. Листья на деревьях словно замерли. Лишь изредка что-нибудь нарушало тишину: крик ночной птицы, отдаленный лай собаки в деревне, гудок поезда в долине. Гости Сент-Арну, разбившись на маленькие группки, тихо беседовали. Я сидел один, углубившись в кресло, и смотрел на звезды. Огромность мира создавала у меня ощущение тщетности наших земных волнений. Фабер уселся рядом с Франсуазой и, склонившись к ней, воодушевленно что-то говорил. Я с грустью видел, как она внемлет ему.

⁶ Дочь сионского царя Ефваала, жена Ахава, седьмого израильского царя, символ любодения и разврата. Иезавель по приказу Ииуя, десятого царя израильского, была выброшена из окна, когда она, получив весть о том, что «прибыл Ииуй в Изреель... нарумянила лице свое, и украсила голову свою, и глядела в окно» (4Цар., 9: 30).

«Все величественно вокруг нас, – думал я, – кроме нас самих... Что за важность для Фабера еще одна победа при виде этой таинственной, бесконечной Вселенной? Но он плетет свои сети, как паук. Он кружит над женщинами, словно летучая мышь, которая гоняется в ночи за мошками... Но в конце концов, что за важность, если у каждого существа свои инстинкты?»

И еще я подумал:

«Это много значит, когда дело касается нашей белой рабы... Бедная Франсуаза... Я-то думал, что спас ее».

Меня окликнула Дениза:

– К чему такое блистательное одиночество? Вы грезите?

– Да, – ответил я, – мне пригрезился кошмар.

Позже, когда все разошлись, Франсуаза и Фабер пожелали друг другу спокойной ночи так подчеркнуто, что мои опасения подтвердились. Вернувшись в свою комнату, я бросился к окну и увидел две темные фигуры, одну очень высокую, они удалялись к лесу. Я решил подождать их возвращения, но не дождался, уснул.

Утром я их не видел. Они вместе уехали в машине Фабера; уезжая, Франсуаза бросила несколько слов Бертрану Шмиту: «Не тревожьтесь обо мне, я срочно должна быть в Париже, и мсье Фабер любезно согласился подвезти меня. Он просит вас позаботиться о его жене, она еще спит».

Дальше все произошло так, как легко можно было себе представить: урожай несчастий, которые Фабер сеял в жизни

любой женщины, познавшей печальную участь понравиться ему. Однако в случае с Франсуазой Кенэ худшего не случилось благодаря бесконечной доброте ее мужа, который с достоинством сумел спасти если не свою любовь, то по крайней мере свой семейный очаг. Что касается меня, то я долгое время не встречал их. Потом, через три года после той ночи в Сент-Арну, я оказался зимой в Ницце, в том же отеле, что и Франсуаза. Я не узнал ее, настолько она изменилась. Она сама непринужденно подошла ко мне и почти сразу заговорила со мной о нашей последней встрече.

– Эта звездная ночь... – проговорила она. – Я никогда не забуду ее... Вы оказались пророком.

– Увы, да... Я видел, как вы выходили вместе при свете луны... И естественно, он сказал вам...

– ...все, что вы мне предсказали, слово в слово...

– И однако вы его выслушали...

– Ах! – воскликнула она. – Это было так красиво сыграно!

Она попыталась изобразить улыбку, но ее ужасающая худоба свидетельствовала совсем о другом. Она умерла в том же году. У бедной женщины был рак.

Ариадна, сестра...⁷

I. Тереза – Жерому

Эврё, 7 октября 1932 года

Я прочитала твою книгу... Да, ее прочитали все, и я в том числе... Не волнуйся: она мне понравилась... Мне кажется, будь я на твоём месте, меня преследовала бы мысль: «А как Тереза, считает ли книгу справедливой? Страдала ли, читая ее?» Но тебе-то, конечно, такие вопросы в голову не приходят. Ты ведь убежден, что проявил не только беспристрастие, но даже великодушие... Вот в каком тоне ты говоришь о нашем браке:

Пламенно мечтая о женищине, созданной моим воображением, не только возлюбленной, но и помощнице в работе, я не разглядел в Терезе реальную женищину. Но в первые же дни совместной жизни я обнаружил в ней черты, которые можно было предвидеть заранее и которые, однако, поставили меня в тупик. Я был человек из народа и в то же время натура артистическая. Тереза выросла в богатой буржуазной семье. Ей были свойственны все добродетели и пороки

⁷ Эти слова в трагедии Расина «Федра» принадлежат жене царя Тезея – Федре, вспоминающей о своей сестре Ариадне, первой возлюбленной Тезея.

ее класса. У меня была верная, скромная, по-своему неслышная жена. Но увы, трудно вообразить существо, которое менее годилось бы в подруги человеку, чье призвание – борьба и апостольство духа...

Ты в этом уверен, Жером? Ты уверен, что приобщил меня к «апостольству духа», когда, уступив твоим мольбам, я согласилась вопреки советам моих родителей выйти за тебя замуж? А ведь сознайся, Жером, я отважилась тогда на смелый поступок. Ты был в те годы безвестным писателем. Твои политические идеи отпугивали и возмущали меня. Я покинула богатый дом, дружную семью, чтобы начать нелегкую совместную жизнь с тобой. Разве я роптала, когда годом позже ты объявил мне, что в Париже не можешь работать, и увез меня в глухую провинцию, в край суровый и мрачный, где в целом доме жила лишь маленькая забитая служанка – единственное существо, которое в ту пору моей жизни казалось мне еще более обездоленным, чем я. Я все терпела, на все соглашалась. Я даже долгое время делала вид, будто счастлива.

Но разве женщина может быть счастлива с тобой, Жером? Иной раз я смеюсь, горько смеюсь, когда газеты твердят о твоей силе, нравственной стойкости. Ты – сильный?.. Право, Жером, я никогда не встречала человека слабодушнее тебя. Ни разу. Нигде. Я пишу это без всякой ненависти. Пора обид миновала, и, с тех пор как мы не видимся, я вновь обрела спокойствие. Но тебе полезно это узнать. Твоя всегдашняя

мнительность, неврастеническая боязнь людей, иступленная жажда похвал, наивный страх перед болезнью, смертью – да разве это признак силы, хотя плоды этого смятения – твои романы – и вводят в заблуждение твоих учеников?

Ты – сильный? Да какая же это сила, если ты настолько раним, что заболеваешь от неуспеха книги, и настолько тщеславен, что стоит глупцу обмолвиться о тебе добрым словом, и ты готов усомниться в его глупости? Тебе и в самом деле раза два или три в жизни пришлось бороться за свои идеи. Но ты вступал в борьбу, только тщательно все взвесив, когда был уверен в победе этих идей. В одну из редких минут откровенности ты однажды сделал мне признание, о котором, наверное, тотчас пожалел с присущей тебе осторожностью, признание, которое я не без злорадства храню в памяти.

«Чем старше становится писатель, – сказал ты, – тем радикальнее должны быть его взгляды. Это единственный способ привлечь к себе молодежь».

Бедные юноши! С наивным восторгом упиваясь твоими «Посланиями», они и представить себе не могли, насколько притворен пыл их автора, с каким продуманным макиавеллизмом они написаны.

Да, Жером, в тебе нет ни силы, ни мужественности... Может, на первый взгляд это покажется жестоким, но придется сказать тебе и это. Ты никогда не был настоящим любовником, милый Жером. После того как мы с тобой разошлись, я узнала физическую любовь. Я вкусила ее покой и блажен-

ство, узнала счастливые ночи, когда женщина, не ведая больше никаких желаний, засыпает в объятиях сильного мужчины. Живя с тобой, я знала лишь грустное подобие любви, жалкую пародию на нее. Я не подозревала о своем несчастье; я была молода, довольно неопытна; когда ты твердил мне, что художник должен беречь свои порывы, я верила тебе. Правда, мне хотелось хотя бы спать рядом с тобой; я нуждалась в тепле твоего тела, в капле нежности, в капле жалости. Но ты избегал моих объятий, моей постели, даже моей комнаты. И при этом ты и не подозревал о моем отчаянии.

Ты жил только ради себя, ради шумихи вокруг твоего имени, ради того тревожного любопытства, какое пробуждал в твоих читательницах герой, который на самом деле – ты-то это прекрасно знал – не имел с тобой ничего общего. Три враждебные строчки в какой-нибудь газете волновали тебя больше, чем страдания женщины, любившей тебя. Тебе случалось уделять мне внимание, но лишь тогда, когда политические деятели или писатели, мнением которых ты дорожил, приходили к нам обедать. Тогда ты хотел, чтобы я блистала. Накануне этих визитов ты подолгу беседовал со мной; ты уже не ссылался на свою священную работу, ты подробно объяснял, что надо и чего не надо говорить, каковы прославленные чудачества такого-то критика и гастрономические вкусы такого-то оратора. В эти дни ты желал, чтобы наш дом казался бедным, ибо это соответствовало твоим доктринам, но чтобы от нашего угощения текли слюнки, ибо великие мира

сего тоже люди.

Помнишь ли ты, Жером, то время, когда у тебя появились деньги, большие деньги? Это и радовало тебя, ведь в глубине души ты самый обыкновенный, жадный к земле крестьянин, и вместе с тем немного смущало, потому что твои идеи плохо согласовались с богатством. Как я потешалась тогда над наивными уловками, с помощью которых твоя алчность пыталась успокоить твою совесть! «Я раздаю почти все деньги», – говорил ты. Но я-то видела счета и знала, сколько у тебя остается. Иногда я с притворным простодушием замечала как бы вскользь:

– А ведь ты не на шутку разбогател, Жером!

А ты вздыхал:

– Ненавижу этот строй... Увы, пока он существует, приходится к нему приспособливаться.

К несчастью, поскольку нападки на государственный строй были в моде, чем больше ты его осуждал, тем богаче становился. Вот ведь жестокая судьба! Бедняга Жером! Впрочем, надо отдать тебе должное: если речь заходила обо мне, ты и слышать не хотел ни о каких компромиссах. Когда я поняла, что ты стал миллионером, меня, как всех женщин, обездоленных в любви, потянуло к роскоши, к мехам, драгоценностям. Но должна признаться, что тут я всегда встречала самое добродетельное сопротивление с твоей стороны.

– Норковая шуба? – говорил ты. – Жемчужное кольцо? Как тебе это могло взбрести в голову! Разве ты не понимаешь,

что скажут мои враги, если моя жена уподобится тем самым буржуазным дамам, сатирическими портретами которых я прославился?

Да, я понимала. Я отдавала себе отчет, что жена Жерома Ванса должна быть вне подозрений. Я сознавала все неприличие моих желаний. Правда, себя ты не лишал любимых игрушек – земель и ценных бумаг. Но ведь банковские счета невидимы, а бриллианты слепят глаза. Ты был прав, Жером, – как всегда.

Но я снова стерпела все. Стерплю и последнюю твою книгу. Я слышу, как вокруг все хором восхваляют смелость твоих взглядов, твою доброту (меж тем ты один из самых злых людей, каких мне приходилось встречать), твое благородство по отношению ко мне. Я молчу. Иногда подтверждаю. «Совершенно верно, – говорю я, – он был ко мне снисходителен, у меня нет никаких оснований жаловаться». Права ли я в своем великодушии? Разумно ли с моей стороны попустительствовать этой лестной для тебя легенде, которая растет и ширится вокруг твоего имени? Справедливо ли, чтобы молодежь считала своим учителем человека, которого я хорошо знаю и который даже не достоин называться мужчиной? Иногда я задаю себе все эти вопросы. Но я и пальцем не пошевелю, чтобы что-нибудь изменить. Я даже не стану, следуя твоему примеру, писать в свое оправдание мемуары. Зачем? Ты внушил мне отвращение к слову. Прощай, Жером.

II. Жером – Терезе

Париж, 15 октября 1932 года

Как и в былые времена, когда мы жили вместе, тебе захотелось сделать мне больно... Ну что ж, радуйся, тебе это удалось... Ты себя не знаешь, Тереза... Ты выдаешь себя за жертву, а ты – палач... Я тоже не сразу тебя раскусил. Я считал тебя такой, какой ты хотела казаться. Женщиной мягкой, всегда приносящей себя в жертву. Лишь мало-помалу мне открылась твоя ненасытная потребность в раздорах, твоя жестокость, твое вероломство. Натерпевшись в юности унижений от бестактных родителей, ты хочешь взять у жизни реванш. И отыгрываешься на тех, кто, на свою беду, тебя любит. Когда мы с тобой встретились, я верил в себя. Ты решила убить во мне эту веру; ты стала издеваться над моим умом, над моими взглядами, над моей внешностью. Ты сделала меня посмешищем в моих собственных глазах. Даже освободившись от тебя, я и по сей день не могу вспоминать без стыда тайные раны, нанесенные мне твоей откровенностью.

Каким безжалостным взглядом ты рассматривала меня. «До чего же ты мал, – твердила ты, – ну просто коротышка». В самом деле, я был мал ростом, и, как у большинства людей, ведущих сидячий образ жизни, у меня было больше жира, чем мускулов. Разве это преступление? Или хотя бы вина? Но я отлично понимал, что в твоих глазах это, во вся-

ком случае, предмет для насмешки. Любовь нуждается в безоглядном доверии. Вместе с одеждой любящие отбрасывают прочь все страхи, подозрительность, застенчивость. А я, лежа рядом с тобой, все время чувствовал на себе враждебный взгляд женщины, которая, ни на минуту не теряя власти над своими чувствами, холодно и трезво оценивает меня. Да как же мог я быть хорошим любовником, когда я тебя боялся? Как мог я стать с тобой тем, кем должен быть в любви мужчина: предприимчивым, повинующимся инстинкту существом, когда со стороны моей партнерши я встречал только внутреннее сопротивление и преувеличенную стыдливость? Ты винишь меня за то, что я избегал твоего ложа. А ты не подумала о том, что сама согнала меня с него?

А ведь сознайся, – пишешь ты, – выходя за тебя, я отважилась на смелый поступок... Но разве ты уже и тогда не была убеждена, что меня ждет в скором времени громкая известность? Твой выбор, Тереза, пал на меня потому, что ты увидела во мне нечто живое, настоящее, что было в диковинку для тебя и твоего окружения. А может, еще и потому, что ты почувствовала мою ранимость, а ведь главная, единственная твоя услада – причинять боль другому... Мне теперь очень трудно припомнить, каким я был в пору нашего первого знакомства. Мне кажется, я был действительно человеком незаурядным – я верил в свои взгляды, в свое призвание... Но ты приложила все усилия к тому, чтобы убить во мне этого человека. Когда мне казалось, что я счастлив,

ты сокрушала меня своей жалостью. Странное дело. Ты вышла за меня замуж, потому что чувствовала во мне силу. Но именно против этой силы ты и ополчилась. Впрочем, в твоих поступках не следует искать ни логики, ни умысла. Как и многие женщины, ты просто жалкая игрушка своей плоти и нервов. Несчастливая юность изломала тебя, неудачи озлобили. Пока ты жила с родителями, ты на них вымещала снедающую тебя ненависть, а с того дня, как твоим спутником жизни стал я, ты начала преследовать меня.

«Вот уж неожиданные попреки... – скажешь ты. – Он высосал эти обвинения из пальца, чтобы отомстить за мое письмо!..»

И ты с торжеством поспешишь указать на то место в книге, которое ты уже не преминула отметить: *У меня была верная, скромная, неглупая жена*. Но не доверяй этим чересчур снисходительным строкам, Тереза. Раз уж ты вынуждаешь меня к крайности, заставляешь ни перед чем не останавливаться, изволь, я покаюсь тебе: эта фраза – ложь. Сознательная ложь. Я хотел разыграть великодушие. Я был не прав. Лицемерие всегда вредит произведениям искусства. Мне следовало без всякой жалости показать, какое ты чудовище и сколько зла ты мне причинила.

«Верная»? Еще до того, как я разошелся с тобой, я уже знал, что ты мне изменяешь. Но зачем было это оглашать? Это только нанесло бы мне ущерб, а тебе стяжало бы лестные лавры ветреницы. «Скромная»? У тебя сатанинская

гордость, и большинство твоих поступков вызвано жадной властью, ослеплять. «Неглупая»? Да, многие теперь находят тебя умной. Ты и в самом деле поумнела. Но знаешь отчего? Это я сделал тебя такой. За двадцать лет ты позаимствовала у меня все, чего тебе недоставало: взгляды, знания, даже словарь. И теперь, после долгих лет разлуки, в тебе все еще жив тот дух, что я вдохнул в тебя, и даже письмо, которым ты надеялась меня сокрушить, всей своей силой обязано мне.

Я тщеславен? Нет, я горд. Я вынужден непрестанно твердить, что верю в свои силы, чтобы стряхнуть с себя злое наваждение – дело твоих рук. Не стану перебирать все строки твоего письма. Я не хочу играть тебе на руку, причиняя себе бесполезные страдания. Однако добавлю еще два слова. *Я горько смеюсь, – пишешь ты, – когда газеты твердят о твоей силе... я никогда не встречала человека слабодушнее тебя...* Ты отлично знаешь, Тереза, что в данном случае ты смешиваешь две разные вещи, хотя делаешь вид, будто не замечаешь этого. Ты не имеешь на это права. Каким я был в наших личных отношениях – касается только нас двоих. Теперь, как и ты, я считаю, что в этой борьбе я был слишком слаб. Я держал себя так из жалости, но к жалости зачастую примешивается трусость. Однако ты прикидываешься, будто не знаешь, что человек, слабый и беспомощный в повседневной жизни, может создавать могучие творения. А на самом деле очень часто так и бывает – именно слабые лю-

ди обладают громадной творческой силой. Поверь мне, Тереза, то, что молодежь видит в моих книгах, в них действительно есть. И по зрелом размышлении я прихожу к мысли, что, хотя ты и причинила мне много страданий, за них-то я и должен теперь, когда боль притупилась, поблагодарить тебя. Именно твоей постоянной ненависти я во многом обязан тем, чем я стал.

По натуре своей ты – прежде всего разрушительница. В эту форму облеклась твоя злоба. Поскольку ты не была счастлива, ты ненавидишь счастье, выпадавшее на долю других. Поскольку тебе несвойственна чувственность, ты презираешь наслаждение. Досада превратила тебя в пронизательного и одержимого наблюдателя. Подобно тем лучам, которые сразу обнаруживают в громадном куске железа свищ – угрозу его прочности, ты мгновенно нащупываешь в человеке слабое место. Ты умеешь находить изъян в любом достоинстве. Это редкий дар, Тереза, но это проклятый дар. Потому что ты забываешь, что достоинства все-таки существуют и железные балки выдерживают проверку временем. Я знаю, что мне свойственны все те слабости, которые ты так безжалостно перечислила. У тебя зоркий глаз, Тереза, на редкость пронизательный. Но слабости мои вкраплены в такую монолитную, твердую породу, что ни одному человеку не под силу ее сокрушить. Даже тебе это не удалось, и мое творчество, моя душа вырвались невредимыми из-под твоей пагубной власти.

Разве женщина, – пишешь ты, – может быть счастлива с тобой?! Я хочу, чтобы ты знала, что и я после развода с тобой узнал счастливую любовь. Я обрел покой в браке с простой и сердечной женщиной. Мне так и видится твоя усмешка: «Ты – возможно, но она?..» Если бы ты хоть мельком увидела Надин, ты поняла бы, что и она счастлива. Ведь не всем женщинам свойственна потребность убивать, чтобы жить... Кого ты убиваешь теперь?

III. Надин – Терезе

Париж, 2 февраля 1937 года

Вы, наверное, удивитесь, мадам, получив письмо от меня. Молве угодно считать нас врагами. Не знаю, как вы относитесь ко мне. Что до меня, то я не только не питаю к вам ненависти, но скорее, наоборот, чувствую к вам невольную симпатию. Если прежде, в пору вашего развода, я в течение нескольких месяцев видела в вас соперницу, которую любой ценой следовало вытеснить из сердца моего избранника, то вскоре после моего замужества вы стали для меня как бы невидимой сообщницей. Я уверена, что умершие жены Си-ней Бороды встречаются в памяти их общего супруга. Жером, сам того не желая, рассказывал мне о вас. А я пыталась представить себе, как вы держались с этим человеком, таким необычным, таким трудным, и мне часто приходило в голову, что ваша жестокость была разумнее моего терпения.

После смерти Жерома мне пришлось разбирать его бумаги. Среди них я нашла много ваших писем. Одно из них произвело на меня особенно сильное впечатление. Я имею в виду письмо, которое вы написали ему пять лет назад, после опубликования его «Дневника». Я не раз говорила ему, что эта страница вас оскорбит. Я просила вычеркнуть ее. Однако этот бесхарактерный человек проявлял редкостную твердость и упрямство, когда речь шла о его творчестве. Ваш от-

вет был безжалостен. Но вы, наверное, удивитесь, узнав, что я нахожу его не лишенным справедливости.

Не подумайте, что я предаю Жерома после его кончины. Я его любила; я храню ему верность; но я способна судить о нем беспристрастно и не умею лгать. Как писатель он достоин восхищения: он был и талантлив, и честен. О человеке же вы сказали правду. Нет, Жером не был апостолом, во всяком случае, если ученики принимали его за апостола, нас, своих жен, ввести в заблуждение ему не удалось. Он всегда чувствовал потребность окружать свои поступки, свои политические взгляды, вообще всю свою жизнь ореолом святости, но мы-то знаем, что мотивы, побуждавшие его действовать именно так, а не иначе, были довольно ничтожны. Он возводил в добродетель свою ненависть к светской суете, но истинная причина этой ненависти крылась в его болезненной застенчивости. Он всегда держал себя с женщинами как внимательный и почтительный друг, но и в этом сказывался, как вы писали ему, скорее недостаток темперамента, чем душевная мягкость. Он уклонялся от официальных почестей, но и это скорее из гордости и расчета, нежели из скромности. И наконец, ни разу он не принес жертвы, которая не обернулась бы выгодой для него, но при этом он хотел, чтобы мы слепо верили в его ловкую непрактичность.

Уверяю вас, мадам, что Жером сам не понимал своего истинного характера и что этот человек, так сурово и пронизательно читавший в душах других людей, сошел в могилу,

убежденный в своей жизненной мудрости.

Была ли я с ним счастлива? Да, была, несмотря на множество разочарований, потому что мне никогда не наскучивало наблюдать это вечно меняющееся, фантастически интересное существо. Сама его двойственность, о которой я сейчас говорила, превращала его в живую загадку. Я не уставала слушать его, спрашивать, изучать. В особенности меня трогала его слабость. В последние годы я относилась к нему скорее как снисходительная мать, нежели как влюбленная женщина. Но не все ли равно, как любишь, когда любишь? Наедине с собой я его проклинала, но стоило ему появиться – и я прощала все. Впрочем, он и не подозревал о моих страданиях. Да и к чему? Я считала, что женщина, которая сорвала бы с него маску и показала ему в зеркале его подлинное лицо, навлекла бы на себя ненависть Жерома, ни в чем его не убедив. Даже вы решились высказать ему правду только тогда, когда поняли, что он для вас потерян безвозвратно.

И однако, какой след оставили вы в его жизни! После того как вы с ним расстались, Жером, живя со мной, год за годом только и делал, что вновь и вновь описывал историю вашего разрыва. Вы были его единственной героиней, главным персонажем всех его книг. Всюду под различными именами я вновь и вновь узнавала вашу прическу флорентийского пажа, вашу величавую осанку, вашу резкую прямоту, надменное целомудрие и жесткий блеск ваших глаз. Ему никогда

не удавалось изобразить мои чувства и мои черты. Он неоднократно принимался за это, желая доставить мне удовольствие. Ах, если бы вы знали, как я страдала каждый раз, видя, как образ, который он лепит с меня, помимо воли скульптора, постепенно приобретает черты женщины, похожей на вас. Один из его рассказов назван моим именем – «Надин», но разве не ясно, что его героиня, неприступная и мудрая девственница, – тоже вы? Сколько раз я, бывало, плакала, переписывая главы, в которых вы появляетесь то в роли загадочной невесты, то в роли неверной, обожаемой жены, то в роли злодейки – ненавистной, несправедливой и все-таки желанной.

Да, с тех самых пор, как вы покинули его, Жером жил воспоминаниями, дурными воспоминаниями, которые вы оставили по себе. А ведь я старалась сделать его жизнь спокойной, безмятежной, чтобы он мог целиком посвятить себя творчеству. Теперь я задаюсь вопросом, права ли я была? Быть может, великому таланту нужно страдать? Быть может, однообразие для него пагубнее ревности, ненависти и боли? Ведь и вправду, самые человечные свои книги Жером написал в те годы, когда вы были его женой; а оставшись без вас, он все время мысленно возвращался к последним месяцам вашей совместной жизни. Даже жестокость вашего письма, которое сейчас лежит передо мной, не излечила его. Все последние годы он пытался на него ответить и в мыслях своих, и в книгах. Его последнее, незаконченное произведение, ру-

копись которого хранится у меня, представляет собой нечто вроде беспощадной исповеди, в которой он, пытаясь себя оправдать, предается самоистязанию. Ах, как я завидую, мадам, той страшной власти тревожить его сердце, какую вам давала ваша неуязвимая холодность.

Зачем я вам все это говорю теперь? Да потому, что мне уже давно хотелось вам это высказать. Потому, что только вы одна можете это понять, а также потому, что моя искренность, я надеюсь, расположит вас ко мне и вы согласитесь оказать мне небольшую услугу. Вам известно, что после смерти Жерома о нем много пишут. На мой взгляд, суждения о его творчестве недостаточно глубоки и не очень справедливы, но в эту область я не намерена вторгаться. Критики имеют право на ошибки: потомство вынесет свой приговор. Я считаю, что книги Жерома относятся к числу тех, которым суждено пережить их автора. Но я не могу сохранять такое же спокойствие, когда биографы искажают облик Жерома и мою жизнь с ним. Подробности семейного быта Жерома, интимные черты его характера были известны только нам с вами, мадам. После долгих колебаний я пришла к выводу, что не вправе унести с собой в могилу свои воспоминания.

Итак, я намерена написать книгу о Жероме. О, я знаю, что лишена таланта. Но в данном случае важна не столько форма, сколько материал. По крайней мере я оставляю свидетельство и надеюсь, что в будущем оно пригодится какому-нибудь талантливому биографу для воссоздания истин-

ного портрета Жерома. Вот уже несколько месяцев я собираю необходимые документы. Однако мне все еще не хватает материалов об одном периоде – вашей помолвке и браке. Быть может, это не принято и слишком смело, но я решила со всей откровенностью и без церемоний обратиться к вам и просить вас о помощи. Пожалуй, я не отважилась бы на это, если бы не питала к вам, как я уже писала, необъяснимую, но искреннюю симпатию. Я вас никогда не видела, но у меня такое чувство, будто я знаю вас лучше, чем кто бы то ни было. Интуиция подсказывает мне, что я поступаю правильно, обращаясь к вам так откровенно, хотя это и граничит с дерзостью. Напишите мне, пожалуйста, где и когда я могу встретиться с вами, чтобы рассказать вам о своих планах. Я полагаю, что вам нужно время, чтобы найти и разобрать старые бумаги, если вы их сохранили, но, так или иначе, я хотела бы как можно скорее побеседовать с вами. Я хотела бы рассказать вам, как я задумала эту книгу. Тогда вы поймете, что с моей стороны вам нечего опасаться ни осуждения, ни даже пристрастных оценок. Наоборот, обещаю вам употребить весь свой женский такт на то, чтобы воздать вам должное. Я прекрасно знаю, что вы построили свою жизнь заново, и позабочусь о том, чтобы не процитировать ни одного документа, не сказать ничего такого, что могло бы поставить вас теперь в неловкое положение. Заранее благодарю вас за все, чем вы захотите – в этом я не сомневаюсь – облегчить мою задачу.

Р. S. Этим летом я еду в Уриаж, чтобы, если можно так выразиться, описать с натуры те места, где Жером был впервые представлен вам на веранде отеля «Стендаль». Я бы хотела также посетить имение ваших родителей.

Р. P. S. У меня не хватает данных о связи Жерома с мадам де Вернье. Известно ли вам что-нибудь о ней? Жером непрестанно говорил о вас, но на вопросы об этом юношеском романе отвечал всегда сдержанно, скупо и уклончиво. Верно ли, что мадам де В. приехала к нему в Модан в 1907 году и сопровождала его в поездке по Италии?

Как звали бабушку Жерома по отцу – Ортанс или Мелани?

IV. Тереза – Надин

Эврё, 4 февраля 1937 года

К большому моему сожалению, мадам, я ничем не могу вам помочь. Дело в том, что я сама решила опубликовать «Жизнь Жерома Ванса». Правда, его вдова – вы, вы носите его имя, и поэтому томик ваших воспоминаний будет, без сомнения, хорошо принят публикой. Но нам с вами не пристало лукавить друг с другом: согласитесь, мадам, что вы очень мало знали Жерома. Вы вышли за него в ту пору, когда он уже стал знаменитостью и его общественная деятельность как бы затмила его личную жизнь. Зато я была свидетельницей рождения таланта и возникновения легенды, к тому же вы сами любезно признаёте, что лучшие из книг Жерома были написаны при мне или в память обо мне.

Не забудьте также, что ни одна серьезная биография Жерома не может обойтись без документов, которые принадлежат мне. У меня сохранилось две тысячи писем Жерома, писем, полных любви и ненависти, не считая моих ответов, черновики которых я тоже сберегла. Двадцать лет подряд я вырезала все статьи о Жероме и его книгах, собирала письма его друзей и неизвестных почитателей. Я храню все речи Жерома, его лекции и статьи.

Директор Национальной библиотеки, который недавно составил опись этих сокровищ, потому что я намерена пре-

поднести их в дар государству, сказал мне: «Это выдающаяся коллекция». Приведу лишь один пример: вы спрашиваете меня, как звали бордоскую бабку Жерома, а у меня на эту Ортанс-Полин-Мелани Ванс заведено целое досье, как, впрочем, и на всех остальных предков Жерома.

Жером любил говорить о себе как о «человеке из народа». Но это выдумка. В конце XVIII века семейство Ванс владело небольшим поместьем в Перигоре; дед и бабушка Жерома по материнской линии прибрали к рукам около сотни гектаров неподалеку от Мериньяка. При Луи-Филиппе дед Жерома был мэром своего городка, а один из братьев деда – иезуитом. Все в округе считали Вансов состоятельными буржуа. Я собираюсь рассказать об этом в своей книге. Не подумайте, что таким образом я хочу подчеркнуть тот снобизм наизнанку, который был одной из слабостей бедняги Жерома. Нет, я намерена быть беспристрастной и даже снисходительной. Но я не хочу ничего приукрашивать. Впрочем, это был, пожалуй, самый простительный недостаток великого человека, которого мы с вами, мадам, любили и... судили.

По отношению к вам я, разумеется, проявлю не меньшее великодушие, чем вы ко мне. Зачем терзать друг друга? Правда, я располагаю письмами, из которых явствует, что, прежде чем стать женой Жерома, вы были его любовницей, но я не собираюсь их цитировать. Я ненавижу скандалы, кого бы они ни затрагивали – меня или других. И потом, в чем бы я ни упрекала Жерома, я по-прежнему восхищаюсь его

творчеством и готова служить ему по мере сил с полным самоотречением.

Поскольку наши книги, по-видимому, выйдут почти одновременно, нам, вероятно, следовало бы обменяться гранками. Таким образом мы избежим противоречий, которые могут возбудить подозрения критиков.

Все, что касается старости Жерома, его угасания после первого апоплексического удара, вы знаете лучше меня. Этот период его жизни я полностью предоставляю вам. Я хочу довести свою книгу до того момента, когда мы с ним расстались (к чему вспоминать ссоры, которые начались вслед за этим?). Но в эпилоге я кратко расскажу о вашем замужестве, потом о моем и о том, как я узнала о смерти Жерома в Америке, где жила со своим вторым мужем. Сидя в кинотеатре, я вдруг во время показа хроники увидела на экране торжественную церемонию похорон, последние фотографии Жерома и вас, мадам, как вы спускаетесь с трибуны, опершись на руку премьер-министра. По-моему, это очень выигранный конец для книги.

Впрочем, я совершенно уверена, что и вы напишете прелестную книжицу.

V. Мадам Жером-Ванс – издательству «Лис»

Париж, 7 февраля 1937 года

Я только что узнала, что мадам Тереза Берже (которая, как вам известно, была первой женой моего мужа) готовит том своих воспоминаний. Нам необходимо ее опередить и для этого опубликовать нашу книгу к осени. Я представлю вам рукопись 15 июля. Меня очень порадовало, что Соединенные Штаты и Бразилия сделали заявки на право издания книги.

VI. Тереза – Надин

Эврё, 9 декабря 1937 года

Мадам, в связи с успехом моей книги в Америке (Клуб книги присудил ей премию «Лучшей книги месяца») я недавно получила две длинные телеграммы из Голливуда и, прежде чем ответить на них, считаю своим долгом высказать ваше мнение. Агент одного из крупнейших продюсеров Голливуда предлагает мне экранизировать «Жизнь Жерома Ванса». Вам известно, что Жером очень популярен в Соединенных Штатах в среде либеральной интеллигенции и его «Послания» считаются там классикой. По причине этой популярности, а также из-за того, что в фигуре нашего мужа американцы видят нечто апостольское, продюсер хочет, чтобы и фильм получился трогательный и благородный. Вначале у меня просто волосы встали дыбом от некоторых его требований. Но, поразмыслив, я решила, что мы обязаны пойти на любую жертву ради того, чтобы завоевать Жерому всемирное признание, содействовать которому в наше время может только кинематограф. Мы обе хорошо знали Жерома и понимаем, что и сам он поступил бы точно так же, потому что, когда речь шла о славе, историческая истина всегда отступала для Жерома на второй план.

Вот три наиболее щекотливых обстоятельства:

А. Голливуд очень дорожит версией о том, что Жером вы-

шел из народа, терпел жестокие лишения, и хочет в трагическом свете изобразить, как он боролся с нуждой в юные годы. Мы знаем, что это ложь, но ведь, в конце концов, самому Жерому эта версия тоже была по душе. Так с какой же стати нам с вами быть в этом вопросе щепетильнее самого героя?

Б. Голливуд хочет, чтобы во времена «Дела Дрейфуса» Жером занимал решительную позицию и даже поставил на карту свою карьеру. Правда, исторически это неточно и хронологически невозможно, но эта неувязка никак не может повредить памяти Жерома, а скорее даже наоборот.

В. Наконец – и это самый трудный вопрос, – Голливуд считает неудобным вводить двух женщин в жизнь Жерома Ванса. Поскольку его первый брак был браком по любви (а конфликт с моей семьей вносит в это особую романтическую нотку), специфическая эстетика кинематографа требует, чтобы это был счастливый брак. Поэтому продюсер просит моего разрешения «слить» двух жен Жерома – то есть вас и меня – в один персонаж. Для концовки фильма он использует материалы, взятые из вашей книги, но припишет мне ваше поведение во время болезни и смерти Жерома.

Я предвижу, как оскорбит вас это последнее предложение, да и сама я вначале его отвергла. Но агент Голливуда прислал мне еще одну телеграмму, в которой привел весьма веские доводы. Роль мадам Ванс будет, разумеется, поручена какой-нибудь кинозвезде. А ни одна крупная актриса не станет сниматься в фильме, если ей предстоит играть

только в первой серии. Он даже сослался на такой пример: для того чтобы заполучить известного актера на роль Босуэлла в «Марии Стюарт», пришлось сочинить какие-то идиллические эпизоды, связывающие Босвелла с юностью королевы. Согласитесь, что, если даже хорошо известные события истории приспособляются таким образом к требованиям экрана, нам с вами просто не к лицу проявлять смешной педантизм, когда речь идет о наших скромных особах.

Я хочу добавить, что: а) эта единственная супруга не будет похожа ни на вас, ни на меня, потому что играть нас будет актриса, с которой продюсер в настоящее время связан контрактом, а у нее нет никакого сходства ни с вами, ни со мной; б) Голливуд предлагает очень крупный гонорар (шестьдесят тысяч долларов, то есть более миллиона франков по нынешнему курсу), и, конечно, если вы согласитесь на указанные изменения, я готова самым щедрым образом оплатить ваше соавторство, связанное с использованием вашей книги.

Прошу вас телеграфировать мне, так как Голливуд ждет от меня немедленного ответа.

VII. Надин – Терезе (телеграмма)

10. XII.37.

ВОПРОС СЛИШКОМ ВАЖЕН ОБСУЖДЕНИЯ ПИСЬ-
МАХ ТЧК ВЫЕЗЖАЮ ПАРИЖ ЧЕТЫРНАДЦАТИЧАСО-
ВЫМ 23 БУДУ У ВАС 18 ЧАСОВ ТЧК СЕРДЕЧНЫЙ ПРИ-
ВЕТ=НАДИН

VIII. Тереза – Надин

Эврё, 1 августа 1938 года

Дорогая Надин!

Как видите, я снова в моем милом деревенском доме, который вам знаком и который вы полюбили. Живу здесь одна, потому что муж мой в отъезде на три недели. Я буду счастлива, если вы приедете ко мне и проживете здесь, сколько сможете и захотите. Вы будете делать все, что вам вздумается – читать, писать, работать, – я сама занята сейчас моей новой книгой и предоставлю вам полную свободу. Если вы предпочтете посмотреть здешние окрестности – а они прелестны, – моя машина в вашем распоряжении. Но если вечером на досуге вам захочется посидеть со мной в саду – мы поболтаем с вами о прошлом, о нашем «печальном прошлом», а также о делах.

Искренне любящая вас

Тереза Берже.

Пересадка

– Самая странная история в моей жизни? – переспросила она. – Вы ставите меня в тупик. В моей жизни было много историй.

– Думаю, что их и сейчас хватает.

– О нет! Я старею; я становлюсь умнее... Иными словами, я нуждаюсь в отдыхе... Я теперь рада, когда могу остаться одна на целый вечер, перечитать старые письма или послушать пластинку.

– Да быть не может, чтобы за вами больше не ухаживали... Ваши черты сохранили всю прелесть, а некий налет опыта, может быть, пережитых страданий, лишь добавляет им что-то торжественное... Вы неотразимы...

– Вы так любезны... Да, у меня еще есть поклонники. Беда в том, что я им больше не верю. Увы, я слишком хорошо знаю мужчин, мне знаком их пыл, пока они ничего еще не добились, а потом приходит безразличие – или ревность. Я говорю себе: чего ради еще раз смотреть комедию, если я уже знаю, чем все закончится?.. В молодости все было иначе. Каждый раз мне казалось, что я встретила замечательного человека, который избавит меня от неопределенности. Я отдавалась ему всей душой, я не жалела денег... Послушайте, еще каких-то пять лет назад, когда я познакомилась со своим мужем, Рено, у меня возникло впечатление, что все будет

по-новому. Он был такой сильный, почти до грубости. Он
страхнул с меня все сомнения; он смеялся над моими тре-
вогами и метаниями. Мне показалось, что с ним я обретаю
вкус к жизни. Он вовсе не был совершенством: ему не хва-
тало культуры и хороших манер. Но он давал мне то, чего у
меня никогда не было: ощущение надежности... Спасатель-
ный круг... Во всяком случае, тогда я так думала.

– А теперь уже не думаете?

– Вы же знаете, что нет. Рено пережил крупные неудачи:
мне пришлось его утешать, ободрять, поддерживать; я защи-
щала защитника... По-настоящему сильные мужчины встре-
чаются редко.

– Но хотя бы одного вы встретили?

– Да, я знала одного такого мужчину. О, совсем недолго
и при удивительных обстоятельствах... Кстати, вы просили
меня рассказать о самом странном приключении в моей жиз-
ни, так вот оно!

– Расскажите мне.

– О боже! О чем вы меня просите? Мне придется поко-
паться в памяти... И потом, эта история довольно длинная,
а вы всегда так спешите. Вы готовы дать мне немного вре-
мени?

– Конечно, я весь внимание.

– Ну хорошо... Это случилось лет двадцать назад... Я то-
гда была очень молодой вдовой. Вы помните мой первый
брак? Чтобы доставить удовольствие родителям, я вышла за-

муж за человека гораздо старше меня, к которому я, безусловно, испытывала нежность, но нежность скорее дочернюю... Занимаясь с ним любовью, я не получала удовольствия, а благодарно выполняла свой долг. Через три года он умер, оставив меня в относительном материальном благополучии, так что внезапно, после родительской опеки и опеки мужа, я получила свободу, я стала хозяйкой своих поступков и своей судьбы. Могу сказать не хвастаясь, что тогда я была довольно хорошенькой...

– Более чем хорошенькой.

– Ну, если вы настаиваете... Что бы там ни было, я нравилась мужчинам, и вскоре вокруг меня образовалась группа претендентов. Я выбрала молодого американца по имени Джек Паркер. Многие из французов, которые считали себя его соперниками, нравились мне больше. Они разделяли мои вкусы; они умели говорить красивые комплименты. Джек мало читал; из всей музыки он предпочитал блюзы и джаз, а что касается живописи, то он с наивным доверием следовал моде. Он очень неумело говорил о любви... Вернее, он вовсе не говорил о ней. Его ухаживания ограничивались тем, что в кино, в театре или в саду, при свете луны, он брал меня за руку и говорил мне: «*You are just wonderful*»⁸.

Это все должно было бы нагонять на меня скуку... Но нет, я охотно принимала его ухаживания. Он казался мне спокойным, честным. Он давал мне то же ощущение надежности,

⁸ Вы просто чудо (англ.).

что и мой теперешний муж в начале наших с ним отношений. Остальные мои друзья не могли определиться со своими намерениями. Кем они хотели стать – любовниками или мужьями? На этот счет они ничего не уточняли. С Джеком все было иначе. Сама мысль о связи приводила его в ужас. Он хотел жениться на мне, увезти меня в Америку, где я родила бы ему красивых детей, кудрявых, как он сам, с его коротким прямым носом, с его тягучим и гнусавым акцентом и таких же наивных. Он занимал должность вице-президента какого-то банка; со временем, может быть, он стал бы его президентом. В любом случае мы бы никогда ни в чем не нуждались и у нас была бы отличная машина. Так он представлял себе мир.

Признаюсь вам, я испытывала искушение. Вас это удивляет?.. А ведь это мне свойственно. Я сама человек довольно сложный, поэтому меня привлекают простые люди. Я плохо ладила с родственниками. Отъезд в Соединенные Штаты стал бы своего рода побегом. После нескольких месяцев стажировки в отделении банка в Париже Джек вернулся в Нью-Йорк. Перед его отъездом я обещала, что приеду к нему и выйду за него замуж. Заметьте, что я не была его любовницей. И не по своей вине: если бы он попросил, я бы уступила... Но он остерегался этого шага. Джек был американским католиком, из семьи со строгими нравами, и он хотел честную свадьбу в соборе Святого Патрика на Пятой авеню, со множеством шаферов в смокингах, с белыми гвоздиками в

петлицах, и с подружками невесты в платьях из органди... Не могу сказать, чтобы эта идея мне не нравилась.

Мы договорились, что я приеду в апреле. Джек должен был заказать мне билет на самолет. Я намеревалась лететь самолетом «Эр Франс», и это было для меня настолько естественно, что мне в голову не пришло сказать об этом ему. В последний момент мне пришел билет Париж – Лондон и Лондон – Нью-Йорк, выписанный какой-то американской компанией, у которой в то время не было права садиться в наших аэропортах. Это мне не очень понравилось, но я, как вы знаете, человек покладистый, поэтому, вместо того чтобы предпринимать какие-то новые шаги, я просто приняла сложившуюся ситуацию. Я должна была прилететь в Лондон около семи часов вечера, там мне предстояло поужинать в аэропорту и в девять часов вылететь в Нью-Йорк.

Вы любите аэропорты? Я испытываю к ним необъяснимую тягу. Они гораздо чище и более современны, чем железнодорожные вокзалы. Они чем-то напоминают операционную. Станные голоса, непонятные из-за помех, через громкоговорители зовут пассажиров в далекие экзотические города. Через окна видно, как садятся и взлетают огромные самолеты. Ирреальная, но при этом не лишенная красоты обстановка. Я поужинала и доверчиво уселась в английское кресло, обитое кожей цвета мха, как вдруг громкоговоритель произнес длинную фразу, сути которой я не поняла, но ясно различила слово «Нью-Йорк» и номер моего рейса. Я

немного забеспокоилась и огляделась по сторонам. Пассажиры вставали со своих мест.

В кресле рядом со мной сидел мужчина лет сорока, чье лицо меня заинтересовало. Изящная худоба, немного взлохмаченные волосы, запахнутый ворот наводили на мысль об английских поэтах-романтиках, в частности о Шелли. Глядя на него, я подумала: «Писатель или музыкант» – и захотела, чтобы наши места в самолете оказались рядом. Он заметил мою внезапную растерянность и сказал:

– Простите, мадам... Вы собирались лететь рейсом шестьсот тридцать два?

– Да... Что они объявили?

– Что из-за технической неполадки самолет вылетит только в шесть утра. Через несколько минут компания пришлет автобус за пассажирами, которые хотели бы переночевать в гостинице.

– Ну вот еще! Ехать в гостиницу, чтобы встать в пять утра! Это ужасно... А вы что будете делать?

– О, мадам, мне повезло: у меня есть друг, который работает и живет прямо тут, в аэропорту. Я оставил машину у него в гараже. Пойду заберу ее и вернусь домой.

Через мгновение он добавил:

– А вообще-то нет... Я воспользуюсь этой отсрочкой, чтобы кое-что осмотреть... Я строю органы, и время от времени мне надо проверять состояние моих инструментов в разных церквях Лондона... Так что мне представилась неожиданная

возможность проведать два или три инструмента.

– А вы можете по ночам заходить в церкви?

Он засмеялся и вытащил из кармана огромную связку ключей.

– Ну конечно! Я обычно проверяю клавиатуру и мехи именно ночью, чтобы никому не мешать.

– А вы сами играете?

– Как умею.

– Наверное, это красиво – органные концерты в темноте и в одиночестве.

– Красиво? Не знаю. Я, конечно, люблю церковную музыку, но я не бог весть какой органист. Однако удовольствие я получаю, это точно.

Он поколебался минутку, а потом сказал:

– Послушайте, мадам, я хочу вам предложить одну странную вещь... Мы незнакомы, и я никак не могу рассчитывать на ваше доверие... Но если бы вам вдруг захотелось поехать со мной, я мог бы вас увезти и потом привезти обратно...

Вы, наверное, музыкант?

– Да. Как вы угадали?

– А вы красивая, как мечта художника. Тут не ошибешься.

Признаюсь, этот комплимент меня тронул. В этом мужчине чувствовалась какая-то странная властность. Я понимала, что разъезжать глубокой ночью по Лондону с неизвестным мне человеком было бы неосторожно; я предвидела возможные опасности. Но у меня просто не хватило времени, чтобы

отказаться.

– Пошли! – сказала я ему. – А как мне быть с сумкой?

– Положим ее в багажник, вместе с моей.

Я не смогу назвать вам три церкви, которые мы посетили той ночью, и рассказать, что именно играл мой таинственный спутник. Помню винтовые лестницы, по которым я поднималась с его помощью, свет луны, проникавший через витражи, и изумительную музыку. Я узнавала мелодии Баха, Форе, Генделя, но, по-моему, большую часть времени он импровизировал. И это меня потрясло. Мне казалось, что я слышу бурные излияния страдающей души. За ними следовали небесные аккорды, похожие на нежную ласку. Я словно опьянела. Я спросила этого потрясающего музыканта, как его зовут. Он ответил: Питер Данн.

– Вы, наверное, знамениты, – сказала я. – Это же дар Божий.

– Не верьте в это. Это иллюзия, навеянная ночью и временем. Я посредственный исполнитель. Но меня вдохновляет вера, а сегодня – и ваше присутствие.

Заявление такого рода меня не удивило и не шокировало. Питер Данн был одним из тех людей, с которыми уже через несколько минут устанавливаешь удивительно близкие отношения... Он был не от мира сего. Когда мы вышли из третьей церкви, он просто сказал:

– Сейчас всего лишь полночь. Вы не хотите провести оставшиеся нам три или четыре часа ожидания у меня дома?

Я приготовлю вам омлет. Есть еще какие-то фрукты. Завтра должна была зайти домработница и все это забрать.

Я почувствовала себя счастливой, и уж раз я все вам рассказываю, то признаюсь, что в глубине души я надеялась, что этот вечер станет началом любви. Женщины в большей степени, чем вы, мужчины, зависят от колебаний своих чувств, своего восхищения. Эта божественная музыка, эта наполненная песнями ночь, эта мягкая и сильная рука, ведущая меня в темноте, – все порождало эти смутные желания. Если бы мой спутник захотел, я бы отдалась на его милость... Так уж я устроена.

Мне понравилась его маленькая квартирка, заполненная книгами, со стенами, выкрашенными белой краской «под яичную скорлупу», с черным бордюром. Я сразу почувствовала себя как дома. Я сама сняла шляпу и дорожное пальто. Я предложила помочь ему приготовить нам ужин в его крохотной кухоньке. Он отказался:

– Нет, я привык сам. Возьмите книгу. Я вернусь через несколько минут.

Я выбрала «Сонеты» Шекспира и успела прочесть три или четыре, отлично соответствовавшие тому восторженному состоянию, в котором я пребывала. Потом Питер вернулся, поставил передо мной маленький столик и подал еду.

– Как все вкусно, – сказала я. – Мне так нравится... Я проголодалась. Вы просто удивительный человек! Вы все так хорошо делаете. Женщина, разделяющая с вами жизнь, про-

сто счастливица!

– Никакой женщины в моей жизни нет... Но я бы больше хотел поговорить о вас. Вы ведь француженка, это очевидно. Вы переезжаете в Америку?

– Да, я выхожу замуж за американца.

Он не выглядел ни удивленным, ни недовольным.

– Вы его любите?

– Наверное, люблю, раз я решила, что мы должны быть всегда вместе.

– Это не обязательно, – сказал он. – Есть браки, в которые люди просто втягиваются, медленно и незаметно, хотя на самом деле их не желают. Внезапно осознаешь, что взял на себя обязательства. И уже нет смелости отступить. Вот и несостоявшаяся судьба... Напрасно я говорю вам все эти пессимистические вещи, ведь я ничего не знаю о вашем выборе. Невероятно, чтобы такая женщина, как вы, могла ошибиться... Единственное, что меня удивляет...

Он замолчал.

– Говорите... Не бойтесь меня смутить. Я самый открытый человек на свете... я хочу сказать, что я лучше всех на свете умею видеть свои поступки и судить их со стороны.

– Ну хорошо! – продолжал он. – Единственное, что меня удивляет, – это не то, что американец сумел вам понравиться (среди них есть очень яркие и даже очень привлекательные люди), а то, что вы захотели провести всю жизнь с ним, в его стране... Вы действительно увидите там «новый свет», где

все ценности будут для вас чужими... Может быть, это английские предрассудки... Может быть, ваш нареченный сам по себе настолько идеален, что вы не придаете никакого значения обществу, которое будет окружать вас.

Я на минутку задумалась. Не знаю почему, но мне казалось, что все, что я говорю Питеру Данну, имеет огромное значение и что я обязана точнейшим образом растолковать ему тончайшие оттенки своих мыслей.

– Не думайте так, – сказала я. – Джек (мой будущий муж) вовсе не *идеальный* мужчина, и я уверена, что сам по себе он не сможет восполнить мне отсутствие милого моему сердцу окружения... Нет... Джек чудесный парень, очень честный человек, он будет мне хорошим мужем в том смысле, что он не станет меня обманывать и сделает мне здоровых детишек. Но помимо этих детей, помимо его работы, политики и историй о наших друзьях, у нас будет мало общих тем для разговоров... Поймите меня, Джек вовсе не глуп; он очень удачливый бизнесмен; у него определено есть чувство красоты, достаточно определенные вкусы... Вот только стихи, картины, музыка для него ничего не значат. Он никогда о них не думает... Это важно? В конце концов, искусство – всего лишь один из видов деятельности человека.

– Разумеется, – ответил Питер Данн. – Можно быть очень чутким человеком, но при этом не любить искусство или, вернее, не знать его... Что до меня, я даже предпочитаю откровенное безразличие активному и шумному снобизму. Но

быть мужем такой женщины... По крайней мере он достаточно тонок, чтобы угадывать тайные движения души той, которая станет жить рядом с ним?

– Он так далеко не заглядывает... Я нравлюсь ему; он не знает почему; он не задает себе этот вопрос. Он не сомневается, что сделает меня счастливой... Ведь у меня будет работающий муж, квартира на Парк-авеню, шикарная машина и отличные чернокожие слуги, выбранные его матерью, уроженкой Виргинии. Чего еще может желать женщина?

– Не надо сарказма, – сказал он. – Сарказм – это всегда признак нечистой совести. Если применять его к людям, которых нам следовало бы любить, это убьет всю нежность... да, это так... И это очень важно. Единственная надежда на спасение заключается в по-настоящему нежном и сочувственном отношении к людям. Почти все они так несчастны...

– Не думаю, что Джек несчастен. Он американец, он прекрасно устроен в обществе, в котором живет и которое искренне считает лучшим в мире. Разве ему есть в чем сомневаться?

– Скоро будет – в вас. Вы научите его страдать.

Не знаю, смогла ли я дать вам это почувствовать, но в ту ночь я находилась в таком состоянии души, что была готова на все. Для меня было довольно-таки странно оказаться в час ночи одной в квартире с каким-то англичанином, которого я встретила несколькими часами ранее в аэропорту.

Еще удивительнее было то, что я исповедовалась ему в своей личной жизни и в своих планах на будущее. И уж совершенно невероятным было то, что он давал мне советы, а я прислушивалась к ним почти с уважением.

Но все было именно так. Доброта и достоинство, исходившие от Питера, делали ситуацию совершенно естественной. Он не стремился выглядеть предсказателем или пророком. Вовсе нет. Он не притворялся. Он смеялся от души, если я говорила что-то смешное. Но в нем угадывалась серьезная прямота, что встречается крайне редко... Да, в этом дело... Серьезная прямота... Вы понимаете? Большинство людей не говорят, что думают. За их словами всегда прячется какая-то задняя мысль. За тем, что они произносят, скрывается то, что они хотят утаить... Или же они говорят что попало, не думая. А Питер вел себя как некоторые персонажи Толстого. Он докапывался до сути вещей. Это настолько потрясло меня, что я спросила:

– В вас есть русская кровь?

– А что? Удивительно, что вы меня спросили об этом. Да, моя мать русская, а отец англичанин.

Я была настолько горда своим маленьким открытием, что продолжила задавать вопросы:

– Вы не женаты? У вас никогда не было жены?

– Нет... Дело в том... Вы решите, что дело в гордыне... Я берегу себя для чего-то более важного.

– Для великой любви?

– Для великой любви, но это не будет любовь к женщине. У меня есть чувство, что над жалкой видимостью нашего мира есть нечто прекрасное, ради чего стоит жить.

– И вы находите это «нечто» в церковной музыке?

– Да, и в поэзии. И еще в Евангелии. Я хотел бы, чтобы моя жизнь стала чем-то очень чистым. Прошу прощения, что так говорю о себе и что делаю это так... напыщенно... так не по-британски... но мне кажется, что вы так хорошо... так быстро все понимаете...

Я поднялась и села возле его ног. Почему? Не смогу вам объяснить. Я не могла по-другому.

– Да, я понимаю, – сказала я. – Я, как и вы, чувствую, что это безумие – растрачивать жизнь, наше единственное достояние, на какие-то жалкие мгновения, бесполезные усилия, мелочные ссоры... Я хотела бы, чтобы каждый час моей жизни был таким, как эти мгновения, проведенные рядом с вами... А ведь я знаю, что этого не будет... У меня нет сил... Я поплыву по течению, потому что так легче... Я стану миссис Джек Д. Паркер; я буду играть в канасту; я улучшу свои показатели в гольфе; зимой я буду ездить во Флориду, и так будет год за годом, до самой смерти... Наверное, вы скажете мне, что это нехорошо... Вы будете правы... Но что же делать?

Я прислонилась к его коленям; в эту минуту я принадлежала ему... Да, обладание ничего не значит; главное – согласие.

– Что делать? – переспросил он. – Не терять собственную волю. Зачем плыть по течению? Вы умеете плавать. Я хочу сказать: вы способны проявить силу и утвердить себя... Это так!.. К тому же, для того чтобы взять в свои руки собственную судьбу, не нужна долгая борьба. У человека за его жизнь выпадает несколько редких моментов, когда все решается, притом надолго. Именно в эти моменты и надо найти в себе смелость сказать «да» – или «нет».

– И по-вашему, сейчас у меня как раз тот момент, когда надо найти смелость сказать «нет»?

Он погладил меня по голове, потом быстро отдернул руку и словно задумался.

– Вы задаете мне, – сказал он наконец, – трудный вопрос. Я вас почти не знаю, я ничего не знаю о вас, о вашей семье, о вашем будущем муже – так какое же я имею право давать вам советы? Я рискую совершить страшную ошибку... Не я должен ответить, а вы. Потому что только вы знаете, чего ждете от этого брака; только вы знаете все детали, по которым можно предсказать последствия... Все, что я могу сделать, – это привлечь ваше внимание к тому, что, на мой взгляд, и, думаю, также и на *ваш* взгляд, действительно важно, и спросить вас: «Вы уверены в том, что не убиваете все самое лучшее в себе?»

Я тоже задумалась.

– Увы! Нет, я не уверена. Самое лучшее во мне – это упование на какие-то восторги; это жажда жертвенности... В

детстве я мечтала стать святой или героиней... Теперь я мечтаю посвятить себя прекрасному человеку и, если смогу, помочь ему делать его дело, выполнять свое предназначение... Вот... Я никогда раньше никому не говорила того, что сейчас сказала вам... Почему именно вам? Сама не понимаю. В вас есть что-то, располагающее к признаниям – и вызывающее доверие.

– Это «что-то», – сказал он, – называется отречением. Наверное, человек, который не ищет для себя того, что люди называют *счастьем*, обретает способность любить других так, как они того заслуживают, и находить в этом иную форму счастья.

Тогда я совершила нечто смелое и немного безумное. Я схватила его за руки и спросила:

– А почему же вы, Питер Данн, не хотите получить свою долю настоящего счастья? Я тоже почти вас не знаю, и тем не менее мне кажется, что вы – тот человек, которого я бессознательно искала всю свою жизнь.

– Не верьте этому... Вы видите меня совсем не таким, какой я на самом деле. Я не смогу стать хорошим мужем или любовником ни для одной женщины. Я слишком занят своей внутренней жизнью. Я не выдержал бы, если б рядом со мной с утра до вечера и с вечера до утра находилось какое-то существо, которое поминутно требовало бы от меня внимания и имело бы на это право...

– Но внимание было бы взаимным.

– Конечно, но мне-то никакого внимания не нужно...

– Вы чувствуете себя достаточно сильным, чтобы в одиночку сражаться с жизнью... Я права?

– Точнее сказать, я чувствую себя достаточно сильным, чтобы сражаться с жизнью бок о бок со всеми людьми доброй воли... работать вместе с ними, чтобы сделать мир мудрее, счастливее... или по крайней мере попытаться это сделать.

– Но может быть, это было бы легче, если бы рядом с вами была подруга. Конечно, надо, чтобы она разделяла веру, которая воодушевляет вас. Но если она вас любит...

– Этого недостаточно... Я знал многих женщин, которые, когда влюбились, следовали за любимым мужчиной, словно сомнамбулы. Но потом наступало пробуждение, и они с ужасом обнаруживали, что находятся на крыше, что им грозит опасность. И тогда они могли думать только об одном: как спуститься и вновь встать на пол повседневности... Если мужчине ведаема жалость, он последует за женщиной и тоже спустится. Потом они, как говорится, создадут очаг... Вот так и разоружают воинов!

– Вы хотите сражаться в одиночку.

Он поднял меня достаточно нежно:

– Никогда еще мне не было так трудно признаться в этом, но это правда... Я хочу сражаться в одиночку.

Я вздохнула:

– Жалко! Я была готова пожертвовать Джеком ради вас.

– Лучше будет пожертвовать Джеком *и* мной.

– Ради кого?

– Ради вас самой.

Я взяла шляпу и пошла к зеркалу, чтобы надеть ее. Питер протянул мне пальто.

– Вы правы, – сказал он, – надо ехать. Аэропорт отсюда очень далеко, и будет лучше, если мы вернемся раньше автобуса.

Он погасил свет в кухне. Перед тем как выйти, он обнял меня и по-братски прижал к себе; мне показалось, что он просто не мог устоять и не сделать этого. Я не сопротивлялась; я отдалась во власть силы, которой мне нравилось подчиняться. Но он быстро разжал объятия, открыл дверь и пропустил меня вперед. Мы вышли на улицу, нашли его машину, и я молча села рядом с ним.

Шел дождь, и от улиц ночного Лондона веяло какой-то зловещей грустью. Через несколько мгновений Питер заговорил. Он описывал людей, живших в одинаковых маленьких домиках, их однообразную жизнь, их убогие удовольствия и их надежды. Меня поражала сила его воображения. Он мог бы быть великим писателем.

Потом мы доехали до заводов на окраине города. Мой спутник умолк. Я думала. Я думала о том, как завтра прилечу в Нью-Йорк; о Джеке, который после этой волнующей ночи, безусловно, покажется мне смешным. И вдруг я сказала:

– Питер, остановитесь!

Он резко затормозил, потом спросил:

– Что такое? Вам плохо?.. Или вы что-то забыли у меня дома?

– Нет. Но я больше не хочу лететь в Нью-Йорк... Я не хочу снова выходить замуж.

– Что?

– Я подумала. Вы мне открыли глаза. Вы мне сказали, что в жизни есть моменты, когда все решается на долгие годы... Это как раз такой момент... Я приняла решение. Я не выйду за Джека Паркера.

– Но это накладывает на меня страшную ответственность. Я думаю, что дал вам хороший совет. Но я могу ошибаться.

– Вы не можете ошибаться. И главное, я не могу ошибаться. Теперь я ясно вижу, что собиралась совершить глупость. Я не поеду.

– Слава богу! – сказал он. – Вы спасены. Вы были на пути к катастрофе. Но вас не пугает возвращение в Париж, объяснения?..

– С чего бы? Мои родители и друзья не хотели, чтобы я уезжала. Они называли мое решение выйти замуж помешательством... Они будут счастливы, что я вернулась.

– А господин Паркер?

– Джек погорюет несколько дней или несколько часов. Он будет уязвлен в своем самолюбии, но он скажет себе, что с такой капризной женщиной у него было бы много проблем, и порадуется, что разрыв произошел до, а не после свадьбы... Только надо как можно скорее отправить ему телеграмму,

чтобы он завтра не ехал меня напрасно встречать.

Питер снова включил мотор.

– Что будем делать? – спросил он.

– Поедем дальше, в аэропорт. Ваш самолет ждет вас. А я полечу на другом, во Францию. Сон закончился.

– Это был прекрасный сон, – сказал он.

– Сон наяву.

Приехав в аэропорт, я нашла окошко телеграфа и написала Джеку: «ПРИШЛА ВЫВОДУ БРАК НЕРАЗУМЕН ТЧК СОЖАЛЕЮ ПОТОМУ ЧТО ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ ВАС НЕ СМОГУ ЖИТЬ ЧУЖОЙ СТРАНЕ ТЧК РЕШИЛА ЛУЧШЕ ЧЕСТНОСТЬ ТЧК ВЫСЫЛАЮ БИЛЕТ ДЛЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ТЧК ОБНИМАЮ – МАРСЕЛЬ». Потом перечитала и заменила «ЖИТЬ ЧУЖОЙ СТРАНЕ» на «БЫТЬ ЧУЖОЙ». Все было понятно, а слов меньше.

Пока я писала телеграмму, Питер пошел справиться о вылете своего самолета. Вернувшись, он сказал мне:

– Все хорошо. Или, скорее, все плохо: мотор починили. Я улетаю через двадцать минут. Вам придется ждать до семи. Мне неприятно оставлять вас одну. Хотите, я куплю вам книгу?

– Нет, – ответила я. – Мне есть о чем подумать.

– Вы уверены, что ни о чем не жалеете? Еще есть время, но в ту минуту, когда вы отправите телеграмму, уже будет поздно менять решение.

Не отвечая ему, я протянула бланк телеграфисту.

– С отсроченной отправкой? – спросил он.

– Нет.

Потом я взяла Питера под руку.

– Милый Питер, у меня впечатление, будто я провожаю на самолет моего самого старого друга.

Я не могу повторить вам всего, что он сказал мне в оставшиеся у нас двадцать минут. Он излагал мне правила жизни. Вы иногда порывались сказать мне, что у меня есть какие-то мужские качества, что я верный друг, что я не лгу. Если все эти замечательные качества во мне действительно есть, я обязана ими Питеру. Наконец по громкоговорителю объявили: *«Пассажиры, следующие рейсом шестьсот тридцать два в Нью-Йорк...»* Я проводила Питера до паспортного контроля. Там он поднял меня к своим губам и поцеловал, как муж. Больше я никогда его не видела.

– Вы его никогда не видели! Почему? Разве вы не дали ему свой адрес?

– Дала, но он мне так и не написал. Думаю, ему нравилось входить таким образом в жизнь других людей, наставлять их, а потом исчезать.

– А когда вы бывали в Лондоне, вы не пытались увидеться с ним?

– А зачем? Он дал мне, как он сам говорил, лучшее, что в нем было. Нам никогда не удалось бы воссоздать невероятную атмосферу той ночи... Нет, так было лучше... Не надо пытаться вновь пережить слишком хорошие мгновения...

Но я была права, когда сказала, что это было самое странное приключение в моей жизни? Вам не кажется чудом, что мужчина, изменивший мою судьбу, заставивший меня жить во Франции, а не в Америке, мужчина, чье влияние я ощущала дольше всего, был никому не известным англичанином, которого я случайно встретила в аэропорту?

– Это похоже, – сказал я, – на античные истории, в которых бог, чтобы общаться со смертными, одевался нищим или странником... На самом деле, Марсель, незнакомец не так уж изменил вас, поскольку вы в конечном итоге вышли замуж за Рено, а это, по сути дела, тот же Джек, только под другим именем.

Она на мгновение задумалась.

– Ну конечно, – сказала она. – Природу нельзя изменить; разве что чуть-чуть подправить.

Миррина

Творчеством Кристиана Менетрие восхищались лучшие писатели нашего поколения. Правда, было у него и немало врагов, отчасти потому, что где успех – там и враги, отчасти потому, что к Менетрие признание пришло поздно, и к этому времени его собратья по перу и критики уже привыкли видеть в нем поэта для избранных, который вызывает уважение, но не способен стать баловнем публики, а стало быть, восхищаться его произведениями было и благородно, и безопасно. Начало карьеры Менетрие положила его жена Клер, женщина честолюбивая, пылкая и деятельная, убедившая в 1927 году композитора Жан-Франсуа Монтеля сочинить музыку к лирической драме мужа «Мерлин и Вивиана». Но окончательным превращением Кристиана в автора сценичных и не сходящих с подмостков пьес мы обязаны актеру Леону Лорану. История эта почти никому не известна и, на мой взгляд, заслуживает внимания, потому что проливает свет на некоторые малоизученные стороны творческого процесса.

Леон Лоран, сыгравший такую благотворную роль в возрождении французского театра между двумя войнами, на первый взгляд меньше всего напоминал «комедианта». Совершенно чуждый самовлюбленности, всегда готовый бескорыстно содействовать успеху любого шедевра, он в букваль-

ном смысле слова был жрецом театрального искусства и при этом отличался редкой образованностью. Все, что он любил в искусстве, было действительно достойно любви, но мало этого: он знал и понимал самые сложные и непопулярные произведения. Создав свою собственную труппу, он не побоялся поставить эсхиловского «Прометея», «Вакханок» Еврипида и шекспировскую «Бурю». Его Просперо и Ариэль в исполнении Элен Мессьер запечатлелись в душе многих из нас среди самых возвышенных воспоминаний. Как актер и постановщик Лоран вдохнул новую жизнь в произведения Мольера, Мюссе и Мариво в ту пору, когда погруженный в спячку театр «Комеди Франсез» еще только ждал появления Эдуара Бурде, которому суждено было его пробудить. Наконец, среди наших современных писателей Лоран сумел найти тех, кто был достоин продолжать прекрасную традицию поэтического театра. Французская драматургия обязана ему школой и целой плеядой авторов.

Я уже сказал, что с первого взгляда Лорана трудно было принять за актера. В самом деле – его интонация, манеры, речь скорее вызвали представление об учителе или о враче. Но такое впечатление сохранялось недолго. Стоило вам в течение пяти минут понаблюдать его игру на сцене, и вы тотчас убеждались, что перед вами – великий актер, наделенный поразительным даром перевоплощения и способный с равным успехом быть величавым Августом в «Цинне», трагикомическим Базилем в «Севильском цирюльнике» или по-

тешать зрителей в роли аббата из комедии «Не надо биться об заклад».

Кристиан Менетрие восхищался Лораном, не пропускал ни одной премьеры с его участием, но, по всей вероятности, между писателем и актером никогда не завязалось бы личного знакомства, так как оба были застенчивы, не вмешайся в это дело Клер Менетрие. Клер разделяла восторженное отношение мужа к Леону Лорану; она мечтала, чтобы Кристиан писал для театра, и при этом прекрасно понимала, что толкнуть его на эту стезю может только по-настоящему культурный актер. Поэтому она решила во что бы то ни стало ввести Леона в круг их интимных друзей, и ей это удалось. Клер все еще была красавицей с матовой кожей и аквамаринными глазами, а Лоран никогда не мог устоять перед женской красотой. Вдобавок с той минуты, как знакомство состоялось, мужчины не могли наговориться о театре. У Кристиана было множество различных идей на этот счет, и большинство из них совпадало со взглядами знаменитого актера.

– Величайшее заблуждение реалистов, – говорил Кристиан, – в том, что они на сцене рабски копируют повседневную речь... А зритель как раз ищет в театре совсем другое... Нельзя забывать, что драма родилась из обряда, что шествия, выходы и хоры занимали в ней громадное место... Да и в комедии тоже... Нам твердят, что Мольер-де прислушивался к языку крючников моста Менял... Что же, возможно, пожалуй, даже бесспорно, однако он прислушивался

к этому языку, чтобы потом его стилизовать.

– Вы правы, – отвечал Леон Лоран. – Вы совершенно правы. Вот почему мне и хочется, Менетрие, чтобы вы писали для театра... Ваши лирические тирады, ваши изысканные образы... Вопреки поверхностному впечатлению они великолепный материал для актеров. Возьмите же на себя роль скульптора. Мы оживим ваши статуи.

Лоран говорил короткими фразами, которым его прекрасный голос придавал глубокую выразительность.

– Да ведь я и так пишу для театра, – отвечал Кристиан.

– Нет, дорогой! Нет!.. Вы пишете поэмы-диалоги, это театр в кресле у камина, но вы ни разу не дерзнули предстать перед публикой.

– Мои пьесы не ставят.

– Скажите лучше, что вы никогда не стремились к тому, чтобы их ставили... Вы никогда не считались с законами сцены. А ведь без этого нет театра... Напишите пьесу для меня... Да, мой друг, лично для меня... Тогда вы увидите, что такое репетиция... А это лучшая школа... Понимаете, вы еще не избавились – на мой взгляд, это ваш единственный недостаток – от некоторой ходульности символизма... Так вот, стоит вам услышать ваш текст со сцены, и вы сами заметите все ваши промахи. Театральные подмости для драматурга – то же самое, что для оратора пластинка с записью его голоса. Он слышит свои недостатки и исправляет их.

– Вот эти самые слова я твержу Кристиану с утра до вече-

ра, – сказала Клер. – Он создан для театра.

– Не знаю, – сказал Кристиан.

– Ну что вам стоит попробовать... Я вам повторяю: напишите пьесу для меня.

– На какой сюжет?

– Да их у вас сотни, – сказал Леон Лоран. – Боже мой, ведь каждый раз, как мы встречаемся, вы излагаете мне первый акт какой-нибудь пьесы, почти всегда блестящий. Сюжет! Да вам надо только сесть за стол и записать то, что вы мне уже рассказывали... И вообще, это проще простого. Я с закрытыми глазами возьму любую пьесу, какую вы мне принесете.

Кристиан на мгновение задумался.

– Пожалуй, у меня есть одна идея, – сказал он. – Вы знаете, как меня сейчас волнует угроза войны, как я пытаюсь, к сожалению тщетно, привлечь внимание французов к откровенным планам безумцев, правящих Германией...

– Я читал ваши статьи в «Фигаро», – сказал Леон Лоран. – Они красноречивы и полезны. Но только, вы сами знаете, слишком современная пьеса...

– Да нет же, я вовсе не собираюсь предлагать вам пьесу из современной жизни. Я хотел бы перенести действие совсем в другую эпоху. Помните, как вели себя афиняне, когда Филипп Македонский требовал жизненного пространства и завоевывал одно за другим маленькие греческие государства? «Берегитесь, – твердил афинянам Демосфен. – Берегитесь! Если вы не придете на помощь Чехословакии, вам тоже не

избежать гибели». Но афиняне были доверчивы, легкомысленны, а у Филиппа была пятая колонна... Демосфен потерпел поражение... А потом в один прекрасный день настал черед Афин... Это будет второй акт.

– Великолепно! – с увлечением воскликнул Леон Лоран. – Чудесно. Вот вам и сюжет! А теперь не откладывайте в долгий ящик и за работу!

– Погодите, – сказал Кристиан. – Мне надо еще кое-что перечитать. Но я уже представляю, каким вы будете блистательным Демосфеном. Ведь вы, конечно, возьмете роль Демосфена?

– Еще бы!

Восхищенная Клер до пяти часов утра упивалась их спорами о будущей пьесе. Когда Лоран и Менетрие расстались, основные сцены были уже намечены. Кристиан даже придумал финальную реплику. После множества перипетий внезапная смерть Филиппа кажется чудом, которое спасет Афины. Но Демосфен не верит ни в длительность чудес, ни в то, что афинянин может спасти что-нибудь иное, кроме их собственной воли, мужества и стойкости. «Да, – говорит он, – я слышу... Филипп умер... Но как зовут сына Филиппа?» И чей-то голос отвечает: «Александр!»

– Превосходно! – воскликнул Леон Лоран. – Превосходно! Я уже представляю, как я это скажу... Менетрие! Если вы не закончите пьесу в течение месяца, вы недостойны театра. Через месяц пьеса была завершена. Теперь мы знаем, что

она оправдала все надежды Клер и Лорана. Но когда после читки пьесы в театре, ставшей подлинным триумфом автора, Лоран явился к нему, чтобы договориться о распределении ролей, сроках постановки и репетициях, вид у актера был озабоченный и смущенный. Кристиану, болезненно мнительному, как все художники, когда дело касается их творений, показалось, что Лоран не вполне удовлетворен.

– Нет, – сказал он жене, после того как Леон Лоран ушел. – Нет, что-то его не устраивает... Но что?.. Он мне не сказал... Ничего не сказал... Но что-то неуловимое... Я не стану утверждать, что пьеса ему не нравится... Наоборот, он опять говорил о своей роли и о сцене в ареопаге с увлечением, в искренности которого невозможно усомниться... Но у него какая-то задняя мысль... В чем дело... Не понимаю...

Клер улыбнулась.

– Кристиан, – сказала она. – Вы – великий писатель, и я от всей души восхищаюсь вами. Но вы трогательно наивны во всем, что касается самых простых человеческих отношений. Поверьте мне, даже не видя Лорана, я совершенно твердо знаю, что произошло.

– Что же?

– Вернее сказать – чего не произошло. Чего не хватает... А не хватает в вашей пьесе, дорогой, роли для Элен Мессьер... Признайтесь по справедливости, что я вас об этом предупреждала.

Кристиан раздраженно возразил:

– А какая тут могла быть роль для Мессьер? Она прелестная комедийная актриса, ей отлично удаются образы Мюссе и Мариво, но что ей, скажите на милость, делать в политической трагедии?

– Ах, любовь моя, вы смешиваете совершенно разные проблемы! Речь идет совсем не о том, что Элен будет делать в политической трагедии. Все гораздо проще – речь идет о том, что сделать, чтобы Леон Лоран жил в добром согласии со своей любовницей.

– Элен Мессьер – любовница Леона Лорана?

– Вы свалились с луны, дорогой? Они живут вместе вот уже четыре года.

– Откуда я мог это знать? И при чем здесь моя пьеса? Так вы думаете, что Лорану хочется...

– Я не думаю, Кристиан, я твердо знаю, что Лоран хочет и, если вы его к этому вынудите, потребует роли для Мессьер. Замечу, кстати, что, по-моему, не так уж трудно доставить ему это удовольствие... Почему бы вам не добавить одно действующее лицо...

– Ни за что! Это разрушит всю композицию моей пьесы...

– Дело ваше, Кристиан... Но мы еще вернемся к этой теме...

Они и в самом деле вернулись к этой теме, когда Леон Лоран, который становился все более озабоченным и хмурым, начал говорить о трудностях постановки, о прежних обязательствах театра, о предстоящих гастролях. Кристиан, кото-

рому с тех пор, как он закончил пьесу, не терпелось увидеть ее на сцене, тоже стал раздражительным и мрачным.

– Друг мой, – сказала ему Клер. – Оставьте меня как-нибудь наедине с Лораном. Мне он решится высказать все, что у него на душе, и я обещаю вам все уладить... Разумеется, с условием, что вы напишете женскую роль.

– Да как же я ее напишу? Не могу же я переделывать пьесу, которую я имею смелость считать произведением искусства, по прихоти...

– Ох, Кристиан, ведь это же легче легкого, да еще при вашей богатой фантазии... Ну вот хотя бы во втором акте, когда македонцы организуют в Афинах пятую колонну, почему бы им не прибегнуть к услугам умной куртизанки, подружки влиятельных афинян, банкиров и государственных деятелей... Вот вам готовый персонаж – и, кстати сказать, вполне правдоподобный.

– Гм, пожалуй... И при этом можно... А знаете, вы правы, очень интересно показать секретные методы пропаганды, старые как мир...

Клер знала, что каждое семя, брошенное в воображение Кристиана, обязательно даст росток. Теперь она взялась за Лорана и тут тоже одержала полную победу.

– Ах, что за чудесная мысль! – с облегчением сказал Лоран. – Понимаете, я не смел заговорить об этом с вашим мужем – к нему невозможно подступиться, когда речь идет о его произведениях, – но публика очень плохо принимает

пьесы без женщин... Даже Шекспир в «Юлии Цезаре»... Да и Корнель ввел в драму Горацийев фигуру Сабины, а Расин – Арисию в миф о Федре... И потом, мадам, вам я признаюсь откровенно: я бы не хотел ставить пьесу, где у Элен не будет роли... Не хотел бы... Понимаете, она молода, она привязана ко мне, но она любит танцевать, как огня боится одиночества... Если я буду каждый вечер занят в театре, она станет проводить время с другими мужчинами, и, сознаюсь вам, я потеряю покой... Но если ваш муж напишет для нее маленькую роль, все уладится... Через неделю мы начнем репетировать...

Так родился образ Миррины. Создавая ее, Кристиан вспоминал одновременно и некоторых героинь Аристофана, женщин остроумных и циничных, и кокеток Мариво, играя которых Элен Мессьер стяжала первые лавры. Из этого парадоксального сочетания, к удивлению самого автора, родился оригинальный и пленительный образ. «На редкость выигрышная роль», – говорил Лоран.

Клер пригласила Элен Мессьер к обеду, чтобы Менетрие мог прочитать ей новый вариант пьесы. Элен была прелестная крошечная женщина с длинными опущенными ресницами, осторожная и вкрадчивая, как кошечка. Говорила она мало, но ни разу не сказала глупости. Кристиану она понравилась.

– Эта отнюдь не наивная инженерю прямо создана для роли коварной предательницы.

– Уж не слишком ли она вам нравится, Кристиан?

– О нет! А потом, разве она не любит Лорана? Он не только ее любовник, он ее создал. Она – творение его рук. Не будь Лорана, чего бы она стоила?

– Вы думаете, Кристиан, сознание того, что она многим ему обязана, подогревает ее нежные чувства? А вот мне, закоренелой женоненавистнице, сдается, что она скорее затаила против него неосознанную досаду... Впрочем, какое нам до этого дело? Роль ей понравилась, значит все идет как по маслу.

Все и впрямь шло как по маслу в течение недели. Но потом Лоран снова помрачнел.

– Что с ним такое? – спросил Кристиан.

– На этот раз не знаю, – ответила Клер. – Но узнаю...

Лоран и в самом деле не заставил себя долго просить и поведал Клер свои тревоги:

– Ну так вот, роль прелестна, и Элен в восторге... Но... Понимаете, мы живем под одной крышей и, когда надо ехать в театр, берем одно такси... Какой смысл ехать врозь?.. Но если Элен появляется на сцене только во втором акте, что она станет делать целый час в своей уборной? Либо она будет скучать, а этого она совершенно не выносит, либо станет принимать поклонников... А уж я себя знаю... это отзовется на моей игре. Не говоря о моем сердце... Конечно, Кристиану Менетрие нет дела до моего сердца, но зато моя игра...

– Короче говоря, – сказала Клер, – вы хотите, чтобы Мир-

рина появлялась на сцене в первом акте?

– Мадам, от вас ничего не скроешь.

Когда Клер передала мужу это новое требование, он сначала пришел в негодование: «Ни одному писателю не приходилось работать в таких условиях!»

Но Клер отлично знала характер Кристиана; прежде всего следовало успокоить его совесть.

– Кристиан, все драматурги работали именно в таких условиях... Вы отлично знаете, что Шекспиру приходилось считаться с внешностью своих актеров, а Расин писал для Шанмеле. Об этом свидетельствует мадам де Севинье.

– Она ненавидела Расина.

– Но она хорошо его знала.

Миррина появилась в первом акте. Надо ли говорить, что проблема такси, связанная с прибытием артистов в театр, вставала со всей остротой и после спектакля и что в последнем варианте пьесы Миррине пришлось участвовать и в третьем акте. Тут снова не обошлось без вмешательства Клер.

– В самом деле, Кристиан, почему бы этой Миррине не стать после поражения добродетельной патриоткой? Пусть она уйдет в маки, станет любовницей Демосфена.

– Право, Клер, вздумай я следовать вашим советам, я скоро дойду до голливудских сусальностей... Хватит, больше я не добавлю ни строчки.

– Я не вижу ничего пошлого и неправдоподобного в том, что легкомысленная женщина любит родину. В жизни та-

кие случаи бывают сплошь и рядом. Кастильоне пленила Наполеона III своей страстной мечтой объединить Италию... Только преображение Миррины надо подать изящно и неожиданно... Но вы в таких сценах не знаете соперников... Ну а насчет связи с Демосфеном я, конечно, пошутила...

– А почему пошутили? Очень многие деятели французской революции...

Успокоенная Клер поспешила утешить Лорана, и роль Миррины, разросшаяся и обогащенная, стала одной из главных ролей пьесы.

Наступил день «генеральной». Это был триумф. «Весь Париж, как Лоран, восхищался Мирриной»⁹. Зрители, которые в душе разделяли политические опасения Менетрие и подсознательно тосковали по национальной драматургии в духе эсхиловых «Персов», устроили овацию автору. Критики хвалили писателя за то, что он с таким мастерством осовременил античный сюжет, ни разу не впад в пародию. Даже Фабер, всегда очень придирчивый к своим братьям, сказал Клер за кулисами несколько любезных слов.

– Вы приложили свою лапку к этой Миррине, прелестная смуглянка, – заметил он с брюзгливым добродушием. – Спору нет – это истая женщина, женщина до мозга костей. Ваш праведный супруг без вашей помощи никогда не додумал-

⁹ Моруа перефразировал строку из IX сатиры Буало, где говорится об успехе «Сиды» Корнеля.

ся бы до такого образа... Признайтесь, Кристиан мало что смыслит в женщинах!..

– Очень рада, что вам нравится Миррина, – сказала Клер. – Но я тут ни при чем.

На другой день Робер Кам в своей рецензии говорил только о Миррине. «Отныне, – утверждал он, – имя Миррины станет таким же нарицательным, как имена Агнесы или Селимены». Клер, через плечо мужа с восторгом читавшая статью, не удержалась и пробормотала:

– Подумать только, не будь этой истории с такси, Миррина никогда не увидела бы света.

Остальное принадлежит истории литературы. Как известно, «Филипп» был переведен на многие языки и положил начало новому французскому театру. Но зато вряд ли кто знает, что в прошлом году, когда Элен Мессьер, бросив Лорана, вышла замуж за голливудского режиссера, великий артист обратился к вдове Кристиана Менетрие, Клер, наследнице авторских прав покойного драматурга, с просьбой вычеркнуть роль Миррины.

– Ведь мы-то с вами знаем, – сказал он, – что эта роль появилась в пьесе случайно, в первом варианте ее не было; почему бы нам не восстановить старый вариант?.. Это вернуло бы роли Демосфена аскетическую суровость, которая, признаться, мне гораздо больше по сердцу... Кстати, тогда не придется искать новую актрису на роль Миррины... А обойдась без премьерши, мы сэкономим на ее жалованье.

Однако Клер мягко, но решительно отклонила его просьбу:

– Уверяю вас, Лоран, вы без труда создадите новую Миррину. Вам это хорошо удастся... А я не хочу никаких переделок в пьесе моего мужа. Не следует разъединять то, что соединил Кристиан...

И Миррина, дитя необходимости и вдохновения, продолжала свое триумфальное шествие по сценам мира.

Биография

Лампы, освещавшие большую столовую, были затенены – в этом году в Лондоне была мода обедать в полумраке. Эрве Марсенá, отыскав свое место за столом, увидел, что его посадили рядом с очень старой дамой в жемчугах – леди Хемптон. Эрве ничего не имел против такого соседства. Дамы преклонных лет обычно бывают снисходительны и нередко рассказывают забавные истории. А леди Хемптон, судя по насмешливому выражению ее глаз, была наделена к тому же живым чувством юмора.

– На каком языке вы предпочитаете говорить, господин Марсена? На французском или на английском?

– Если не возражаете, леди Хемптон, я предпочитаю французский.

– Однако пишете вы на английские темы. Я читала вашу «Жизнь Джозефа Чемберлена». Она меня позабавила, я ведь знала всех этих людей. А над чем вы работаете сейчас?

Молодой француз вздохнул:

– Моя мечта – написать книгу о Байроне, но о нем уже столько написано... Правда, найдены новые материалы – письма Мэри Шелли, бумаги графини Гвиччиоли. Но все это уже опубликовано. А я хотел бы обнаружить какие-нибудь неизвестные документы, но ничего не могу найти.

Старуха улыбнулась:

– А что, если я открою вам одно совершенно неизвестное похождение Байрона...

Эрве Марсена весь невольно подобрался, словно охотник, внезапно заметивший в кустах оленя или кабана, словно биржевик, которому вдруг открыли, какие акции подскочат на бирже.

– Совершенно неизвестное похождение Байрона? Да разве это мыслимо, леди Хемптон, когда написаны груды исследований?

– Пожалуй, я преувеличила, назвав его совершенно неизвестным, потому что имя героини уже упоминалось биографами. Я имею в виду леди Спенсер-Свифт.

Эрве разочарованно скривил губы:

– Ах вот кого!.. Да-да, я слышал... Но ведь об этой истории никто ничего не знает наверняка.

– Дорогой господин Марсена, разве о подобных вещах можно вообще что-нибудь знать наверняка?

– Конечно, леди Хемптон. В большинстве случаев мы располагаем письмами, документами. Правда, порой письма лгут, а свидетельства не вызывают доверия, но на то и существует критическое чутье исследователя...

Обернувшись к своему собеседнику, леди Хемптон поглядела на него в старинный лорнет:

– А что вы скажете, если я предоставлю вам дневник леди Спенсер-Свифт (ее звали Пандора), который она вела во время своей связи с Байроном? И письма, которые она от

него получала?

Молодой француз вспыхнул от удовольствия:

– Я скажу, леди Хемптон, как говорят индусы, что вы – отец мой и мать моя. Благодаря вам я напишу книгу... Но у вас действительно есть эти документы?.. Простите мой вопрос... Все это настолько невероятно...

– Нет, – ответила она. – У меня этих документов нет, но я знаю, где они находятся. Они принадлежат нынешней леди Спенсер-Свифт, Виктории, моей подруге по пансиону. Виктория до сих пор никому не показывала этих документов.

– Почему же она вдруг покажет их мне?

– Потому что я попрошу ее об этом... Вы еще плохо знаете нашу страну, господин Марсена. Здесь на каждом шагу вас подстерегают тайны и неожиданности. В подвалах и на чердаках наших загородных вилл хранятся истинные сокровища. Но владельцы ничуть ими не интересуются. Вот когда кто-нибудь разоряется и дом продают с молотка, архивы выходят на свет божий. Если бы не предприимчивый и упорный американец, обнаруживший пресловутые бумаги Босвелла, они так и остались бы навсегда в ящике от крокетных шаров, где их спрятали.

– Вы полагаете, что предприимчивый и упорный француз может добиться такого же успеха, хотя он и не располагает теми тысячами долларов, которыми американец оплатил бумаги Босвелла?

– Вик Спенсер-Свифт долларами не прельстишь. Она моя

ровесница, ей за восемьдесят, и ей вполне хватает своих доходов. Вик покажет вам бумаги из расположения к вам, если вы сумеете его заслужить, а кроме того, в надежде, что вы нарисуете лестный портрет прабабки ее мужа.

– Лорда Спенсер-Свифта нет в живых?

– Не лорда, а баронета... Сэр Александр Спенсер-Свифт был последним в роду носителем этого титула. Виктория все еще живет в том самом доме, где гостил Байрон... Это прелестная усадьба елизаветинских времен в графстве Глостер. Хотите попытать счастья и поехать туда?

– С восторгом... если я получу приглашение.

– Это я беру на себя. Я сегодня же напишу Вик. Она наверняка вас пригласит... Не пугайтесь, если письмо будет составлено в резких выражениях. Виктория считает, что привилегия нашего преклонного возраста – говорить все, что вздумается, напрямик. С какой стати церемониться? Чего ради?

Несколько дней спустя Эрве Марсена ехал на своей маленькой машине через живописные деревушки графства Глостер. Минувшее лето было, по обыкновению, дождливым, и это пошло на пользу деревьям и цветам. В окнах даже самых скромных коттеджей виднелись роскошные букеты. Дома, сложенные из местного золотистого камня, были точно такими, как во времена Шекспира. Эрве, весьма чувствительный к поэтическим красотам английского пейзажа, пришел в восторг от парка Виндхерст, как называлось по-

местье леди Спенсер-Свифт. Он проехал по извилистым дорожкам мимо поросших густой травой, аккуратно подстриженных лужаек, исполинские дубы обступали их со всех сторон. Среди зарослей папоротника и хвоща поблескивал пруд. Наконец Эрве увидел замок и с бьющимся сердцем затормозил у входа, увитого диким виноградом. Он позвонил. В ответ ни звука. Прождав минут пять, Эрве обнаружил, что дверь не заперта, и толкнул ее. В темном холле, где на креслах лежали грудями шарфы и пальто, – ни души. Однако из соседней комнаты слышался монотонный голос, бубнивший, казалось, заученный текст. Француз подошел к двери и увидел продолговатую залу, увешанную большими портретами. Группа туристов сгрудилась вокруг величественного butler'a¹⁰ во фраке, темно-сером жилете и полосатых панталонах.

– Вот это, – говорил butler, указывая на портрет, – сэр Уильям Спенсер-Свифт (1775–1835). Он сражался при Ватерлоо и был личным другом Веллингтона. Портрет кисти сэра Томаса Лоуренса, так же как и портрет его супруги, леди Спенсер-Свифт.

Среди слушателей пробежал шепот:

– Той самой...

Дворецкий с заговорщическим видом едва приметно кивнул головой, не теряя при этом достоинства и важности.

– Да, – добавил он, понизив голос до шепота, – той самой,

¹⁰ Дворецкий (англ.).

что была возлюбленной Байрона. Той, которой он посвятил знаменитый сонет «К Пандоре».

Двое туристов начали декламировать первую строфу. Дворецкий величественно кивнул головой.

– Совершенно верно, – подтвердил он. – А это – сэра Роберт Спенсер-Свифт, сын предыдущего (1808–1872). Портрет писан сэром Джоном Миллесом.

И, склонившись к своей пастве, он доверительно сообщил:

– Сэр Роберт появился на свет через четыре года после того, как Байрон гостил в Виндхерсте.

Молодая женщина спросила:

– А почему Байрон приехал сюда?

– Он был другом сэра Уильяма.

– Ах вот что! – сказала она.

Эрве Марсена остановился позади группы, чтобы лучше рассмотреть оба портрета. У мужа, сэра Уильяма, было широкое, красное от вина, обветренное лицо. Он производил впечатление человека вспыльчивого и высокомерного. В воздушной красоте его жены сочетались величавость и целомудрие. Однако, приглядевшись повнимательнее, в чистом взгляде леди можно было уловить и затаенную чувственность, и не лишённое жестокости кокетство. Туристы уже устремились к выходу, а молодой человек все еще задумчиво разглядывал портреты. Дворецкий деликатно шепнул, наклонившись к нему:

– Простите, сэр, у вас есть билет? Вы пришли позже других... Все уже заплатили. Поэтому, если позволите...

– Я не турист. Леди Спенсер любезно пригласила меня провести здесь уик-энд и обещала показать интересующие меня документы...

– Извините, сэр... Стало быть, вы и есть молодой француз, рекомендованный леди Хемптон? Минутку, сэр, я только провожу этих людей и тотчас уведомя ее милость... Комната вас ждет, сэр. Ваши вещи в машине?

– У меня только один чемодан.

В дни, когда леди Спенсер-Свифт открывала двери своего замка иностранным туристам – эти посещения освобождали ее от уплаты налогов, – сама она уединялась в гостиной, расположенной во втором этаже. Туда и провели молодого француза. Старая леди держалась горделиво, но без чопорности. Ее надменную осанку смягчала насмешливая прямота.

– Не знаю, как вас благодарить, – начал Марсена. – Принять незнакомого человека...

– Nonsense¹¹, – объявила леди. – Какой же вы незнакомец? Вы явились по рекомендации моей лучшей подруги. Я читала ваши книги. Я давно жду человека, который мог бы тактично поведать миру эту историю. Думаю, что вы как раз подходящее лицо для этого.

– Надеюсь, миледи. Но я не верю своему счастью: возмож-

¹¹ Чепуха (англ.).

но ли, что ни один из блестящих английских биографов Байрона не опубликовал ваших документов?

– Ничего удивительного в этом нет, – объявила леди. – Мой покойный муж не разрешал показывать дневник своей прабабки ни одной живой душе. На этот счет у него были старомоднейшие предрассудки.

– А разве эти бумаги содержат нечто... ужасное?

– Понятия не имею, – сказала она. – Я их не читала. От этого бисерного почерка можно ослепнуть, да к тому же все мы прекрасно знаем, что пишут в дневниках двадцатилетние женщины, когда они влюблены.

– Но может случиться, миледи, что я обнаружу в этих бумагах доказательство... мм... связи Байрона с прабабкой вашего мужа. Могу ли я считать, что и в этом случае я имею право ничего не скрывать?

Леди бросила на француза удивленный взгляд, в котором мелькнуло легкое презрение.

– Разумеется. Иначе для чего бы я стала вас приглашать?

– Вы – само великодушие, леди Спенсер-Свифт... А ведь многие семьи вопреки всякой очевидности защищают добродетель своих предков до тридцатого колена.

– Nonsense, – повторила старуха. – Сэр Уильям был чурбан, он не понимал своей молодой жены и вдобавок обманывал ее со всеми окрестными девками. Она встретила лорда Байрона, который был не только великий поэт, но и мужчина с ангельской внешностью и сатанинским умом. Леди выбра-

ла лучшего. Кому придет в голову ее порицать?

Эрве почувствовал, что не стоит дальше обсуждать эту тему. Однако, не удержавшись, добавил:

– Простите, леди Спенсер-Свифт, но, раз вы не читали этих дневников, откуда вы знаете, что Байрон гостил в Виндхерсте не только в качестве друга хозяина дома?

– Так гласит семейное предание, – решительно ответила она. – Мой муж знал об этом от своего отца, а тот – от своего. Впрочем, вы сами сможете во всем удостовериться, потому что, повторяю, бумаги в вашем распоряжении. Сейчас я вам их покажу, а вы мне скажете, где вам удобнее работать.

Она вызвала великолепного дворецкого.

– Миллер, откройте красную комнату в подzemелье, принесите туда свечи и дайте мне ключи от сейфа. Я провожу туда господина Марсена.

Обстановка, в которой очутился Марсена, не могла не подействовать на воображение. В подzemелье, расположенном под нижним этажом здания и обитом красным штофом, в отличие от остальных помещений не было электричества. Пламя свечей отбрасывало вокруг дрожащие тени. К одной из стен был придвинут громадный сейф, отделанный под средневековый сундук. Напротив стоял широкий диван. Старая леди величественно спустилась в подzemелье, опираясь на руку француза, взяла ключи и быстро повернула их в трех скважинах замка с секретным шифром, после чего Миллер

широко распахнул тяжелые створки сейфа.

Перед глазами Марсена блеснуло столовое серебро, мелькнули какие-то футляры из кожи, но хозяйка протянула руку прямо к толстому альбому в белом сафьяновом переплете.

– Вот дневник Пандоры, – сказала она. – А вот письма, которые она собственноручно перевязала этой розовой лентой.

Старуха обвела взглядом подземелье:

– Погодите-ка... Где бы нам вас пристроить... Вот за этим большим дубовым столом вам будет удобно? Да? Ну что ж, отлично... Миллер, поставьте два подсвечника по правую и левую руку от господина Марсена... Теперь закройте сейф и пойдём. А молодой человек пусть себе работает...

– Могу ли я остаться здесь за полночь, миледи? Времени у меня немного, а мне хотелось бы прочитать все.

– Дорогой господин Марсена, – сказала леди. – Спешка ни к чему хорошему не приводит, но делайте как знаете. Вам принесут сюда обед, и больше вам никто мешать не будет. Утром подадут завтрак в вашу комнату, потом вы опять можете работать. Мы встретимся с вами в час за ленчем... Подходит вам такое расписание?

– Я в восторге, леди Спенсер-Свифт! Не могу выразить...

– И не надо. Спокойной ночи.

Эрве остался один. Он вынул из портфеля авторучку, бумагу, сел за стол и с замирающим сердцем открыл сафьяновый альбом. Старуха была права – почерк и в самом де-

ле был мелкий и неразборчивый. Должно быть, Пандора сознательно стремилась к тому, чтобы ее записи было трудно прочитать. Альбом мог попасть в руки мужа. Разумнее было принять меры предосторожности. Но Марсена был искушен в расшифровке самых замысловатых почерков. Он без труда разобрал каракули Пандоры. С первых же строк он не мог удержаться от улыбки. В манере изложения чувствовалась совсем молодая женщина, почти ребенок. Пандора часто подчеркивала слова – признак горячности или волнения. Дневник был начат в 1811 году, через несколько месяцев после свадьбы.

«25 октября 1811. Нынче я устала, больна и не могу сидеть в седле. Уильям уехал на охоту. Не знаю, чем заняться. Начну вести дневник. Этот альбом мне подарил мой *нежно, нежно* любимый батюшка. Как я сожалею, что покинула его! Боюсь, что мой муж *никогда* меня не поймет. У него не злое сердце, но он *не догадывается*, что женщине необходима нежность. Я не знаю даже, думает ли он когда-нибудь обо мне? Он чаще говорит о политике, лошадях и фермах, нежели о своей жене. Со времени нашей свадьбы он, кажется, ни разу не произнес слово „*любовь*“. Ах нет, произнес. На днях он сказал Бриджит: „До чего же трогательно *любит* меня моя *жена*“. Я и глазом не моргнула».

Эрве пробежал одну за другой страницы, полные жалоб

и насмешек. Пандора была беременна и без всякой радости ждала появления ребенка. Он должен был еще теснее связать ее с человеком, который не сумел внушить ей ни малейшей привязанности. Из наивных заметок молодой женщины постепенно складывался весьма непривлекательный портрет сэра Уильяма. Малейшее проявление его эгоизма, тщеславия, вульгарности безжалостно заносилось на бумагу свидетелем, затаившим на него горькую обиду. Меж тем сквозь строки дневника все яснее проступал другой образ – соседа, лорда Петерсона, столь же любезного, сколь отвратительным был сэр Уильям.

«26 декабря 1811. Вчера, на Рождество, лорд Петерсон принес мне в подарок *обворожительного* щенка. Я была, как всегда, одна, но приняла лорда Петерсона – ведь он гораздо старше меня. Он говорил со мной о литературе и об искусстве. Если бы я могла записать все его *блистательные* мысли! Какое наслаждение слушать его! У него *изумительная* память. Он читал мне наизусть стихи Вальтера Скотта и лорда Байрона. Это доставило мне громадное удовольствие. Я знаю, что, будь я женой такого человека, как лорд Петерсон, я сделала бы *огромные* успехи. Но он стар, и к тому же я навеки связана с другим. Увы! Несчастливая Пандора!»

Из дальнейших записей явствовало, что на Пандору произвела большое впечатление поэма Байрона «Паломниче-

ство Чайльд Гарольда». Она даже сказала об этом мужу и услышала в ответ:

– Байрон? Да я с ним коротко знаком. Мы встречались в те времена, когда он, как и я, странствовал по свету... Мы провели вместе немало веселых ночей в Италии... По возвращении он приглашал меня к себе в Ньюстедское аббатство, где он содержит целую труппу нимф, о которых я мог бы порассказать немало забавных анекдотов, – да только они не предназначены для целомудренного слуха моей супруги... Ха-ха-ха!

Вслед за этим на глазах читателя белого альбома Пандора, которая решила заставить мужа пригласить Байрона к ним в Виндхерст, плела целую сеть хитроумных уловок. Вначале муж противился.

– Ну что он здесь станет делать? – твердил он. – Ему будет скучно. Из-за хромой ноги он не сможет сопровождать меня в далеких прогулках. К тому же он не охотник.

Жена настаивала:

– Я постараюсь его развлечь.

Сэр Уильям приходил в негодование:

– Вы?! Развлекать этого бабника, этого донжуана... Не хватает еще, чтобы я позволил жене оставаться наедине с человеком вроде Байрона. Да у меня нет ни малейшей охоты разрешать этому бездельнику браконьерствовать в моих владениях.

Однако чем громче становилась слава Байрона в Лондоне,

тем охотнее деревенский эсквайр похвалялся своей дружкой с поэтом. Он начал рассказывать о ней соседям. Рождение дочери подсказало леди Спенсер-Свифт великолепную мысль – почему бы не попросить лорда Байрона быть крестным отцом малютки? Разве не лестно, если восприимчиком маленькой леди будет прославленный поэт? Сэр Уильям сдался: «Хорошо, я ему напишу, но он никогда не согласится. У него и без того довольно хлопот с женщинами и стихами». Но Байрон согласился. Он любил контрасты и диссонансы. Мысль о том, что его, демонического поэта, хотят сделать крестным отцом младенца, да еще вдобавок девочки, позабавила и соблазнила его.

Эрве Марсена был настолько увлечен чтением, что не чувствовал ни голода, ни жажды, ни усталости. Но великолепный Миллер явился к нему в сопровождении лакея, несшего обед.

– Леди Спенсер-Свифт свидетельствует вам свое почтение и спрашивается, не угодно ли вам чего-нибудь, сэр?

– Ничего. Передайте леди, что документы настолько интересны, что я буду работать всю ночь.

Во взгляде дворецкого мелькнуло сдержанное неодобрение.

– Всю ночь, сэр? В самом деле? В таком случае я пришлю вам запасные свечи.

Эрве почти не прикоснулся к истинно английскому обеду

и вновь схватился за альбом. Приезд Байрона был описан в лихорадочном возбуждении – почерк Пандоры стал еще более неразборчивым.

«Сегодня поутру в 11 часов приехал лорд Б. Как он красив и *бледен!* Должно быть, он несчастлив. Он стыдится своей хромоты. Как видно, поэтому он не ходит, а *бегает*, чтобы ее скрыть. И напрасно! Хромота делает его еще *интереснее*. Странно... Уильям предостерегал меня, говорил, будто лорд Б. *несносно* развязен с женщинами. Но со мной он не сказал и двух слов. Меж тем он время от времени *украдкой* поглядывает на меня, а один раз я перехватила его взгляд в зеркале. Но в разговоре он обращается только к Уильяму и лорду Петерсону, а ко мне – *никогда. Почему?*»

Всю ночь напролет следил Эрве Марсена, как Пандора мало-помалу подпадала под обаяние поэта. Судя по всему, юная и неопытная простушка не поняла причины столь небайронического поведения гостя. Байрон приехал в Виндхерст с твердым намерением вести себя добродетельно, во-первых, потому, что был безнадежно влюблен в другую женщину, во-вторых, потому, что считал неблагородным соблазнить жену своего хозяина, к тому же Пандора показалась ему такой наивной, юной и хрупкой, что он не хотел причинять ей страданий. В глубине души он был сентиментален и маскировал цинизмом природную чувствительность.

Вследствие всех этих причин Байрон не заговаривал с Пандорой о любви. Но мало-помалу интрига начала завязываться. Сэр Уильям напомнил Байрону о Ньюстедском аббатстве и его обитательницах-нимфах, созданиях более чем доступных. Одна из них когда-то пришлась по вкусу деревенскому эсквайру, и он выразил желание вновь ее увидеть.

– Скажите-ка, Байрон, отчего бы вам не пригласить меня в Ньюстед? Само собой разумеется, без жены.

Байрон укорил его:

– Стыдитесь! Ведь вы женились совсем недавно! А что, если жена вздумает отплатить вам той же монетой?

Сэр Уильям расхохотался:

– Моя жена? Ха-ха-ха! Да ведь она святая и к тому же обожает меня!

Пандора, которая все время была настороже, услышала издалека этот диалог и не преминула занести его в свой дневник, снабдив негодующими комментариями:

«„Она меня обожает“!!! Глупец! Неужели я обречена всю свою жизнь прожить подле этого чурбана! А почему бы и впрямь не отплатить ему *той же монетой*? После этого разговора меня охватила такая ярость, что, вздумай лорд Байрон нынче вечером в парке обнять и *поцеловать меня*, я, пожалуй, не стала бы противиться».

Было уже за полночь. Эрве торопливо покрывал замет-

ками страницу за страницей. В полутемном подземелье при догоравших свечах, которые отбрасывали все более тусклый свет, ему чудилось, будто его окружают живые тени. Он слышал раскатистое «ха-ха-ха» краснолицего хозяина замка, следил по выражению тонкого лица леди Пандоры, как нарастают ее нежные чувства, а в темном углу ему мерещился Байрон, с саркастической усмешкой наблюдающий эту столь неподходящую пару.

Французу пришлось сменить догоревшие свечи, после чего он вновь взялся за чтение. Теперь он следил за попытками сближения, которые предприняла Пандора, стремясь вывести Байрона из его сдержанной задумчивости; она проявила при этом смелость и изобретательность, неожиданные в такой молодой женщине. Задетая его равнодушием, она подзадоривала его. Под предлогом игры на бильярде она осталась наедине с поэтом.

«Нынче вечером я сказала ему: „Лорд Байрон, когда женщина *любит* мужчину, который не оказывает ей никакого внимания, как ей следует поступить?“ Он ответил: „*А вот как!*“ – с необыкновенной силой заключил меня в свои объятия и...» Тут одно слово было тщательно вымарано, но Эрве без большого труда удалось его разобрать: «*поцеловал*».

Эрве Марсена облегченно вздохнул. Он едва верил своему счастью. «Может быть, я сплю? – думал он. – Ведь только

во сне с такой полнотой сбываются порой наши самые заветные желания». Он встал и ощупал рукой громадный сейф, диван, стены, чтобы удостовериться в реальности обстановки. Никаких сомнений – все предметы вокруг него существовали на самом деле и дневник был подлинным. Он вновь погрузился в чтение.

«Я испугалась и сказала ему: „Лорд Б., я вас *люблю*, но я недавно родила ребенка. Он нерасторжимо связал меня с его отцом. Я могу быть для вас только другом. Но вы мне необходимы. Помогите же мне“. Он выказал *удивительную* доброту и сочувствие. С этой минуты, когда он остается наедине со мной, всю его горечь как рукой снимает. Мне кажется, что я *врачую его душу*».

Молодой француз не удержался от улыбки. Он хорошо изучил Байрона и никак не мог представить его в роли терпеливого платонического воздыхателя хрупкой молодой женщины. Ему так и чудился голос поэта: «Если она воображает, что мне по вкусу часами держать ее за руку, читая ей стихи, – ох как она ошибается! Мы уже на той стадии, когда пора приблизить развязку».

Потом ему пришло в голову, что в связке писем, врученной ему леди Спенсер-Свифт, может найтись документ, свидетельствующий о подлинном расположении духа Байрона. Он торопливо развязал ленту. В самом деле, это были письма Байрона. Эрве сразу узнал темпераментный почерк по-

эта. Но в пачке были еще какие-то другие бумаги, написанные рукой Пандоры. Эрве наскоро пробежал их. Это были черновики писем леди Спенсер-Свифт, сохраненные ею.

Погрузившись в чтение переписки, Эрве с удовольствием убедился, что не ошибся в своих предположениях. Байрону очень быстро наскучили платонические отношения. Он просил Пандору назначить ему свидание ночью, когда все обитатели замка спят. Пандора противилась, но без особенной твердости. Эрве подумал: «Если вот это письмо, черновик которого я сейчас прочел, было отправлено Байрону, он должен был почувствовать, что победа недалека». В самом деле, простодушная молодая женщина приводила только один довод: «Это невозможно, потому что я не представляю себе, где мы могли бы увидеться с вами, не привлекая внимания всех в замке».

Эрве вновь взялся за альбом. Пандора записала, что, для того чтобы обмениваться письмами с Байроном, она делала вид, будто дает ему книги из своей библиотеки. Таким образом она могла в присутствии marito¹² передавать поклоннику книги, в которые были вложены записочки. «И это в двадцать лет!» – подумал Эрве.

«Сегодня Уильям уехал на охоту, и я целый день провела вдвоем с лордом Б., хотя и на глазах прислуги. Он был очарователен. Кто-то рассказал ему о подземелье замка, и он

¹² Муж (*ит.*).

пожелал осмотреть его. Я не решилась спуститься с ним, но попросила гувернантку мистрис Д. показать гостю подземелье. Вернувшись, он сказал странным тоном: „В один прекрасный день этому подземелью суждено стать уголком, о котором я всю жизнь буду вспоминать с живейшим восторгом“. Что он хотел этим сказать? Я боюсь вникать в смысл его слов и в особенности не могу без страха думать о том, что этот восторг может быть связан с воспоминанием *обо мне*».

Письма и альбом помогли французу восстановить развязку приключения. Однажды ночью Пандора согласилась встретиться с Байроном в подземелье в тот час, когда ее супруг храпел в своей спальне, а челядь ушла к себе на третий этаж. Байрон был настойчив, пылок. Она молила о пощаде.

– Лорд Байрон, – сказала она ему, – я в вашей власти. Вы можете делать со мной все, что пожелаете. Никто нас не видит, никто нас не слышит. У меня самой нет сил вам противиться. Я пыталась бороться, но любовь привела меня сюда вопреки моей собственной воле. От вас одного зависит мое спасение. Если вы злоупотребите своей властью надо мной, я уступлю вам, но потом умру от стыда и горя.

Она заливалась слезами. Байрон, тронутый мольбами молодой женщины, почувствовал прилив жалости.

– Вы просите у меня того, что превышает силы человеческие, – сказал он. – Но я так вас люблю, что готов от вас отказаться.

Они долго еще сидели на диване, тесно прижавшись друг к другу, потом Пандора поднялась в свою спальню. На следующий день Байрон объявил, что издатель Мэртэй вызывает его в Лондон, и покинул Виндхерст. В этот день Пандора сделала в дневнике запись, которая от души позабавила молодого француза.

«О глупец, глупец! – писала она. – Все кончено, все потеряно, и я осуждена вовеки не знать любви. Как он не понял, что я ведь не могла сразу броситься ему на шею. Разве женщина, воспитанная в таких правилах, как я, и вдобавок такая молодая, могла повести себя с цинизмом тех бесстыдных распутниц, с какими он привык иметь дело до сих пор? Я должна была поплакать. А он, искушенный в любви мужчина, должен был успокоить, утешить меня и заставить уступить чувству, которое уже так сильно владело мной. Но он уехал, погубив все наши надежды! Никогда в жизни не прощу ему этого!»

После этого эпизода действующие лица обменялись еще двумя письмами. Письмо Байрона было составлено в осторожных выражениях. Он, несомненно, думал о муже, который мог вскрыть конверт. Черновик письма Пандоры выдавал нежные чувства молодой женщины и ее затаенную ярость. В дальнейших записях дневника еще несколько раз упоминалось имя Байрона, то в связи с его новой поэмой,

то в связи с очередным скандалом. Бросались иронические намеки, в которых проглядывала глубокая досада. Но после 1815 года Байрон, как видно, совершенно изгладился из памяти Пандоры.

Сквозь маленькое окошко в подземелье просочился бледный свет. Забрезжило утро. Эрве, точно выйдя из транса, медленно огляделся вокруг и вернулся в XX век. Какое прелестное и забавное приключение пережил он за минувшую ночь! С каким удовольствием он его опишет! Но теперь, окончив работу, он почувствовал усталость после бессонной ночи. Он потянулся, зевнул, задул свечи и поднялся в отведенную ему комнату.

Звон колокольчика возвестил час ленча. В холле поджидал величественный Миллер, который проводил француза в гостиную, где уже находилась леди Спенсер-Свифт.

– Добрый день, господин Марсена, – сказала она своим резким мужским голосом. – Мне сказали, что вы всю ночь не ложились. Надеюсь, что вы по крайней мере хорошо поработали.

– Отлично. Я все прочитал и сделал двадцать страниц выписок. Это бесподобная история. Не могу вам выразить...

Она перебила его:

– Я ведь вам говорила. Эта малютка Пандора, судя по портрету, всегда казалась мне женщиной, созданной для страсти.

– Она действительно была создана для страсти. Но вся

прелесть истории в том и состоит, что она никогда не была любовницей Байрона.

Леди Спенсер-Свифт побагровела.

– Что? – переспросила она.

Молодой человек, который захватил с собой свои выписки, рассказал хозяйке всю историю, попытавшись при этом проанализировать характеры обоих действующих лиц.

– Вот каким образом, – закончил он, – лорд Байрон в первый и последний раз в своей жизни уступил бесу нежности, а прабабка вашего мужа вовек не простила ему этой снисходительности.

Леди Спенсер-Свифт слушала не перебивая, но тут она не вытерпела.

– Nonsense! – воскликнула она. – Вы плохо разобрали текст или чего-нибудь не поняли... Пандора не была любовницей лорда Байрона?! Да все на свете знают, что она ею была. В этом графстве нет ни одной семьи, где бы не рассказывали эту историю... Не была любовницей лорда Байрона!.. Очень сожалею, господин Марсена, но, если таково ваше последнее слово, я не могу разрешить вам опубликовать эти документы... Как! Вы намерены разгласить во Франции и в здешних краях, что эта великая любовь никогда не существовала! Да ведь Пандора перевернется в гробу, сударь!

– Но почему? Пандора-то знает правду лучше всех, ведь она сама записала в дневнике, что между нею и Байроном не произошло ничего предосудительного!

– Этот дневник, – объявила леди Спенсер-Свифт, – вернется на свое место в сейф и больше никогда оттуда не выйдет. Где вы его оставили?

– На столе в подzemелье, леди Спенсер-Свифт. У меня не было ключа, и поэтому я не мог положить его в сейф.

– Сейчас же после ленча мы с вами спустимся вниз и водворим все на прежнее место. Мне не следовало показывать вам семейный архив. Бедняжка Александр был против этого и на сей раз оказался прав... Что до вас, сударь, я вынуждена потребовать от вас полного молчания об этом... так называемом... открытии...

– Само собой разумеется, леди Спенсер-Свифт, я не могу напечатать ни строчки без вашего позволения, к тому же я ни за что на свете не хотел бы вызвать ваше неудовольствие. И однако, признаюсь вам, я не понимаю...

– Вам нет нужды понимать, – ответила она. – Я прошу вас о другом – забудьте.

Он вздохнул:

– Что подделаешь! Забуду... И об этом дневнике, и о своей книге.

– Очень мило и любезно с вашей стороны. Впрочем, я ничего иного и не ждала от француза. А теперь поговорим о чем-нибудь другом. Скажите, господин Марсена, как вам нравится английский климат?

После ленча они спустились в подzemелье в сопровождении Миллера. Дворецкий раскрыл тяжелые створки сей-

фа. Старуха собственноручно уложила среди кожаных футляров и столового серебра белый альбом и пачку пожелтевших писем, перевязанных розовой лентой. Миллер снова запер сейф.

– Вот и все, – весело сказала она. – Теперь уж он останется здесь навеки.

Когда они поднялись наверх, первая группа туристов, прибывшая с автобусом, уже покупала в холле входные билеты и открытки с видами замка. Миллер стоял наготове – чтобы начать сцену с портретами.

– Зайдемте на минуту, – сказала леди Спенсер-Свифт французу.

Она остановилась поодаль от группы туристов, но внимательно прислушивалась к словам Миллера.

– Вот это, – объяснял дворецкий, – сэр Уильям Спенсер-Свифт (1775–1835). Он сражался при Ватерлоо и был личным другом Веллингтона. Портрет кисти сэра Томаса Лоуренса, так же как и портрет леди Спенсер-Свифт.

Молоденькая туристка, живо выступившая вперед, чтобы получше разглядеть портрет, прошептала:

– Той самой...

– Да... – сказал Миллер, понизив голос. – Той, которая была любовницей лорда Байрона.

Старая леди Спенсер-Свифт с торжеством взглянула на француза.

– Вот видите! – сказала она.

Подруги

«Как же глупы мужчины! – подумала Соланж Вилье, глядя на худенькую Жюльетту с распухшими от слез глазами, с лицом испуганной лани. – Да, как же глупы мужчины! – думала она. – Вот хотя бы Франсис, он, конечно, в некоторой степени талантлив и успешен, но он должен был бы каждый день радоваться такой грациозной, мягкой и приятной жене, как Жюльетта... И за кем этот дурень волочится, словно неопытный мальчишка? За Шанталь, которая старше Жюльетты, к тому же она не скрывает, что ее любовник Манагуа! До слез обидно!»

Она улыбнулась Жюльетте; она чувствовала себя очень доброй и вдруг исполненной желанием помочь ей.

– Дорогая, – сказала она, – отнеситесь к этой банальной истории с долей юмора. Она не так трагична, и я помогу вам выпутаться из нее... Истина заключается в том, что при всем очаровании, которым вы обладаете, вы не умеете удерживать мужчину. Я научу вас... Почему ваш муж вьется вокруг Шанталь, которую вы превосходите и телом, и лицом, и умом? Шанталь, у которой вся красота уже давно от институтов красоты, от *лифтинга*, который делают пластические хирурги? Да потому, что она создает у него впечатление, будто любима и другими, потому, что она говорит ему: «Сегодня вечером я не могу, такой-то... Завтра? Ах нет, зав-

тра я встречаюсь с таким-то...» Послушайте, дружок, вы мне симпатичны. Каждая молодая женщина нуждается в верной подруге. Так случилось, что я сейчас свободна, станьте для меня сестрой; выходите со мной в свет, я покажу вам, как надо обходиться с мужьями... Посмотрите на моего: он вымуштрован!

– Но у меня нет ни малейшего желания муштровать Франсиса... Я люблю его и хочу, чтобы он любил меня...

– Естественно... Это и есть наша цель; тем не менее нужно подумать о способах. А они с сотворения мира одни и те же – надо кокетничать, вызывать ревность и, в небольших дозах, льстить... Франсис писатель, он наверняка придает чрезмерное значение своим книгам. Вы сумеете поговорить с ним о творчестве?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.